

Евгений Черносвитов

**ОЗОРНЫЕ ЗАПИСКИ
ИЗ МЁРТВОГО ВЕКА**

Книга 1

Евгений Черносвитов

Озорные записки

из мертвого века. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054679

ISBN 9785449316691

Аннотация

Книга написана врачом, судебно-медицинским экспертом и философом. Все истории, рассказанные в ней почти документальны. Некоторые истории вошли в фонд энциклопедий по судебной медицине, криминалистики и пенитенциарной социологии. При этом все рассказы от первого лица отвечают требованиям хорошего литературного повествования и рассчитаны на широко читателя.

Содержание

Судебно-медицинский эксперт в стране ОЗ	5
Ассоциации... вот, где интрига!	5
Чля... Орель-Чля, если угодно	11
Часть 1	11
Часть 2	28
Часть 3	40
Часть 4. Отдельная	47
Чумикан	51
Озерпах	65
Часть 1. Comment les hommes forts meurent4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Озорные записки из мертвого века Книга 1

Евгений Черносвитов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Самойлова

Иллюстратор Оксана Альфредовна Яблокова

© Евгений Черносвитов, 2018

© Екатерина Александровна Самойлова, дизайн обложки, 2018

© Оксана Альфредовна Яблокова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-1669-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Екатерине – музе этой книги...

Судебно-медицинский эксперт в стране ОЗ

Ассоциации... вот, где интрига!

*«Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!»*
(М. Ю. Лермонтов – Екатерине Александровне
Сушковой)

...Только начал смотреть фильм гениального Чэнь Кайгэ – «Убей меня нежно» (2001), одну из первых сцен – знакомство магнетическое героев, когда они одновременно прикасаются к кнопке на пульте регулирования движения, чтобы перейти на противоположную сторону трассы, как *раздвоился!* Одна моя половина продолжала механически смотреть фильм в полном одиночестве – это было в моем рабочем кабинете в 26 января 2018 года в Москве, в 22 часа три минуты. А другая половина вполне реально оказалась в сто-

ловой поселка Богородское, Николаевского-на-Амуре района, в 12 часов три минуты 25 апреля 1969 года. В то мгновение, когда моя рука потянулась за стаканом компота, она зажала не холодный граненый стакан, а... теплую и нежную... девичью кисть! Я поднял глаза и увидел ее, к чьей кисти я магнетически был прикован... Мы, пусть банально звучит, провалились в зрачках друг друга, все же дружно, смущенно улыбнулись кассирше и побежали назад, забыв про компот, в раздевалку. Не отрывая глаз друг от дружки, мы, как сомнамбулы, надели наши пальто, встряхнули головами, от чего я все же смог заметить, что волосы моей *второй половинки...* да, не в распространенном банальном смысле, а, в реальном, ибо она заменила ту мою половину, которая продолжала смотреть фильм «Убей меня нежно»! Волосы ее были длинные, густые и прекрасные. Их, или ее всю, мою уже родную, но еще незнакомую, окутывал дурманящий аромат цветущего клевера...

...Я прилетел в Богородское в командировку по вызову прокурора в качестве судебно-медицинского эксперта. Первый год я работал и возглавлял бюро судебно-медицинской экспертизы Николаевска-на-Амуре и пяти прилегающих к нему районов, в число которых входил и Ульчский район с центром Богородское. Но прокурор был в местной командировке и мне пришлось его ждать. Я проголодался и пошел в столовую. Она, моя «вторая половинка», также прилете в командировку на съезд учителей из села Троицкое,

где первый год после окончания педагогического училища работала учителем в сельской школе. На съезде был обеденный перерыв, обедом кормили в столовой. Меня пропустили в столовую, оккупированную молодыми педагогами со всех пяти районов Николаевска-на-Амуре, только после предъявления красной книжечки судебно-медицинского эксперта... Отказавшись от обеда, мы с девушкой – она была совсем юна, как мне все же удалось ее разглядеть, будучи в транс-се. Да информацией мы с ней обменивались, весьма вероятно, подсознательно. Мы побежали на берег Амура. Река в тот год обмелела и между берегом и рядом прибрежных деревянных домов располагался песчаный «пляж», шириной сто-сто-пятьдесят метров, раскинувшийся на десятки километров. Дома вообще-то находились на естественной возвышенности, которая спасала их, кода Амур разливался. При большой воде они все оказывались весьма далеко от «берега». Зачем мы побежали к Амуру? В поисках убежища, места для уединения! Пляж был пуст. Но окна домов смотрели на нас сверху, в упор. Иначе... Иначе мы плюхнулись бы прямо на песок! Вдали мы увидели ржавеющий баркас и, продолжая крепко держать друг друга за руку, рванули к баркасу. Добежали и поняли, что это, отнюдь не Гранд Отель и даже не апартаменты, а, гораздо хуже – с тучей черных птиц, как у Хичкока. Мы их спугнули и солнце птицы затмили, оглушая нас какофонией крика и хлопаньем крыльев. ...А, ведь, день, еще минуту назад, был солнечный и тихий!

...Мы резко развернулись и побежали в поселок. Одна мысль сверлила наши мозги: в районном центре должна быть гостиница!

...Дежурная, окинув нас взглядом, весьма дружелюбным, сказала, что в гостинице только три номера и все по десять коек! Для моряков и рыбаков. Но, добавила, что возьмет с нас плату только за две койки. Улыбнувшись, добавила, что можно и за одну (койку), ну тогда нужны предъявить паспорта с соответствующими штампами. Рассчитавшись, комкая в свободном кулаке квитанцию об оплате, я поспешил за своей *пассией*...

...Не успели мы снять пальто, как в наш номер с шумом вошли несколько мужчин. За ними стояла, сильно покрасневшая дежурная, по губам которой мы прочли, что неожиданно причалили три катера, с *ночного дозора*! Рыбаков было как раз тридцать человек. Гостиница принадлежала им. Они были уставшие, ибо не обратили на нас никакого внимания, стали раздеваться, готовясь плюхнуться в постель. Хозяева наших коек уже входили в «номер»! Мы быстро, продолжая держать друг друга за руки, стали пробираться к выходу. Никто на нас, не обращал никакого внимания! Мы оказались на улице... Встали, выбежав из гостиницы, и смотрели в глаза друг дружки. Губы наши были разжаты. Ее губы пылали... У меня кружилась голова в ушах звенело. И тут... Тут из двери соседнего здания вышел мужчина в форме прокурора. Я поднял глаза: мы стояли в нескольких

метрах от районной прокуратуры. Мы с прокурором были не знакомы. Это была моя первая командировка в Богородское. Во мне что-то произошло, ибо рука девушки упала, отпустив мою. «Какой сегодня день?» – Тихо прошептала она. «Среда...» – машинально ответил я, и направился к прокурору. До меня донеслось: «Я буду ждать тебя на этом месте каждую среду...» Прокурор, не обращая никакого внимания на мою спутницу, пошел ко мне на встречу. Чемодан мой с секционным набором выдал меня. Фирменный, который имел каждый судебно-медицинский эксперт Хабаровского Краевого Центра судебной медицины. Именно этому центру я и подчинялся. Он обеспечивал меня всем необходимым для работы. Отмечу здесь лишь две вещи, о которых еще не раз будет идти речь. Это – неограниченное количество чистейшего медицинского спирта и фирменная дубленка, такие и в Москве тогда были роскошь!..

Прокурор крепко взял меня под руку и повел в здание... Мы вошли в прокуратуру, я не успел даже оглянуться. То, что меня будут ждать каждую среду – в одно ухо влетело, в другое вылетело... Экспертиза была не простой. О девушке я забыл начисто: вернувшись в Николаевск-на-Амуре, я на другой день улетел в поселок Чля. О своем романтическом не случившемся приключении я забыл...

...В Богородское следующая командировка была только ровно через год. Это событие, после дел, мы отмечали дома у прокурора. Бутылки армянского коньяка, приготовлен-

ные по этому случаю, так и остались стоять на столе не откупоренными. И дамы, и кавалеры предпочли коньяку чистейший медицинский спирт, литр которого я всегда брал с собой в командировку...

...Подсаживая меня на борт Ан-2, прокурор между прочим сказал: «А твоя дивчина была с характером... Скажи спасибо, что законспирировал тебя, сказав, что ты из Хабаровска. Весь год, каждую среду, ждала тебя возле прокуратуры... В Николаевск-на-Амуре она бы тайгой прошла...

P.S. От прокурора, который навел о моей несостоявшейся, возможно, судьбе, сведения, я узнал, что зовут ее Дарья, фамилия Цигеман – из обрусевших немцев. Хабаровчанка, 1951 года рождения. Сейчас, когда я пишу это, если Дарья жива, ей 67 год... Интересно, помнит ли она меня? Я помню ее всю свою жизнь, вспомнил все, когда услышал, как прокурор спас меня от «назойливой барышни». Кстати, этот прокурор в 90-х повесился.

Чля... Орель-Чля, если угодно

Часть 1

В поселке Чля никогда не жили 1000 человек. Сейчас, в 2018 году, там проживает чуть больше 500... В Николаевске-на-Амуре никогда не жили больше 25 тысяч человек. Сейчас – меньше 20-ти тысяч. В этом городе на Амуре родились два генеральных прокурора России. В поселке Чля родился один главный акушер-гинеколог СССР и один главный акушер-гинеколог Москвы и Московской области.

Еще одна справка из Википедии. Думаю, что она, эта справка, поможет понять записки, которые я сейчас, спустя почти пятьдесят лет, напишу.

Итак. Площадь озера Чля 314 км (зависит от уровня воды, площадь зеркала может уменьшаться до 280 км² или увеличиться до 500 кв. км. Зависит от состояния уровня Амура, который соединен с озером множественными протоками. Глубина Чля от 3,8 метров.

Площадь соседнего озера, Орель, с которым озеро Чля соединятся рекой Подгорная, около 140 кв. км (зависит от уровня воды, размах колебаний которого составляет около 4,5 м). Наивысший уровень воды – в августе-сентябре, он зависит от паводков на реке Амур. Глубина от 2,6 метров.

Во время большого паводка озера Чля и Орель представляют единое море. Дно озер Орель и Чля никогда не изучалось, несмотря на то, что не раз создавала неудобства для судоходства с трагическими последствиями. Я имею в виду – цунами. Нужно учесть, что до Тихого Океана, где происходят 75% всех мировых цунами, от озер рукой подать. Во время больших разливов Амура, протоки и реки, соединяющие Чля и Орель с Татарским проливом – устьем Амура, представляют одну акваторию, как, например, в конце 90-х начале 0-х. Тогда прибрежные к озерам леса уходили под воду. По акватории бродили цунами. Толи, вызванные сдвигами пластов каменного и песчаного дна озер, толи общими процессами, которые не перестают прекращаться на дне Тихого Океана. Высота цунами Чля-Орель достигает 20—30 метров. А то и более.

На дворе был сентябрь 1969 года. Амур поднял на несколько метров и затопил километры прилегающих к руслу земель. Озера затопили хвойные леса. Картина жутковато-прекрасная: Высочайшие ели и сосны, кедры и лиственница стоят сплошной стеной, на трепть погруженные в желты воды Амура.

У меня была командировка в поселок Чля. Там внезапно умерла еще молодая женщина. Главный врач больницы, осмотрев труп, заподозрил насильственную смерть (убийство или самоубийство) и сообщил в прокуратуру Николаевска-на-Амуре. Прокурор выписал постановление на про-

изводство судебно-медицинской экспертизы. И дружески попросил меня еще и выступить в качестве следователя, ибо все следователи были в командировках. В районах Николаевска-на-Амуре часто из-за погоды можно «застрять» и надолго. Отчаянные «борта» прорывались, вывозя скопившихся в толпы пассажиров. В некоторых аэропортах мое удостоверение судебно-медицинского эксперта помогало. В других – нет. Поэтому у меня были еще два удостоверения на старших следователей прокуратуры и ГУВД. Так, что в порой, в отдаленном населенном пункте я выступал не только в своей исконном качестве судебно-медицинского эксперта, но и как следователь прокуратуры или милиции.

Геологи тоже помогали прокуратуре и, значит, мне. На сей раз вот уже неделю по морю Орель-Чля суда не ходили, ибо, внезапно волны поднимались на десятки метров, пока только подобные цунами. Вертолет Ми-6 дали прокуратуре военные, чтобы разрядить скопившиеся толпы изнуренных бессонными ночами и голодом, людей по домам – в поселки Чля и Орель. Вертолет с одним пассажиром – мной, поднялся с полосы военного аэропорта, замаскированного в тайге, недалеко от города. Через полчаса мы зависли над безбрежным, как озеро Орель-Чля, толпою людей, представляющих собой огромный пестрый лагерь беженцев к себе, по домам! Я поудобнее устроился у иллюминатора, командир пообещал мне, что сначала полетит в Чля, где меня с нетерпением ждали родственники умершей. Покойна уже несколько дней

лежала одетая для похорон в гробу, который стоял на столе в одном из домов, ближе к лесу. Но и запах хвойного леса уже не убивал запах, доносившийся из дома с гробом. Наводнение наводнением, цунами-цунами, а погода была за плюс тридцать и тихая!

Мое беззаботное разглядывание скопления местных жителей, с уверенностью, что через полчаса, максимум, я буду в Чля, внезапно сменилось тревогой. Командир в открытую в кабине дверь, крикнул, что он приземляться не будет, ибо надвигается ураган, как раз со стороны поселка Чля. Поэтому вертолет возвращается на базу. Я вскочил и подбежал к кабине: «Командир, дай мне возможность сойти на землю... хоть по канату!» Мне было тогда 25 лет, я был отлично сложен, ибо занимался активно в свободное время боксом и дзюдо... профессионально, по тем временам. Пилот знал меня и сказал, что отлетит от толпы, чтобы не «сталили за канаты вертолет на землю», и удивился, что я собираюсь делать среди этой толпы, ибо никаким чудом мне до поселка не добраться. О чуде я не думал, просто не видел смысла возвращаться с полпути! А вокруг – тишина, даже птиц не слышно, жарко, душно, как будто все пространство от земли до неба покрыла какая-то невидимая густа, душная и липкая атмосферы, вато-подобная...

...Вертолет завис, канатная лестница выброшена, я начал быстро спускаться, видя, как к нам устремилась часть толпы с криками, размахивая руками и котомками. Я спрыгнул,

и вертолет тут же взмыл в воздух, развернулся и скоро его очертания стали уменьшаться в голубом, чистом, солнечном небе, и исчезли. Мы поравнялись с бегущей толпой с берега, они что-то кричали мне, но я твердой походкой направился к воде, где без дела томились шабашники со своими алюминевыми, экипированными двумя вихрями, плоскодонками. На воде полный штиль, но они, местные жители, знают, что на самом деле происходит в обманчивых небесах и обманчиво спокойных глубинах моря Орель-Чля!

Я начал обход шабашников, поднимая их, полусонных, разморенных жарой, мокрых от пота, смешанного с почти водяным воздухом. Я понял, что деньги предлагать или размахивать красными книжками перед их, шабашников, носами, *контрпродуктивно!* Я обходил их с вялой мыслью, что все же заранее нужно с кем-то договорится, ибо, если будет хоть малейшая возможность, они тут же спустят свои челны на воду, груженные массой рискованных пассажиров. Так, я выбрал молодого парня, крепкого, загоревшего, явно родившегося и выросшего здесь, на этих водах. Подойдя к нему, я, было, открыл рот, как он меня опередил: «Вы врач из Николаевска? Я жду Вас. Умершая – моя тетка... Если не боитесь, можно рискнуть. Моторы у меня мощные, да и лодка с килем – сам приварил... Но, если наткнемся на цунами, то однозначно каюк, никакие жилеты не помогут. Я еще и пустые бензобаки связал, можно опоясаться. Одним шансом меньше захлебнутся, когда столкнемся с „бетонной“ волной...»

Я, не долго думая (не чуя никакой опасности с этим, показавшимся мне очень надежным парнем), согласился и предложил ему, поискать еще смельчака из шабашников, в компанию. На что Виктор, так звали парня, сказал, что в шторм *напарников* быть не может. Каждый за себя. Да и наверняка никто спускать свою бадью на воду сейчас не согласится, иначе давно бы уже «работали». Удивительное было у меня чувство: ясный чистый тихий день; вода зеркальная и, как огромное зеркало отражает молчаливо стоявший, затопленный лиственный лес, по-прежнему гордый и могучий... И все это и множество неосознаваемых нюансов восприятия этой тишины и красоты... уходит, вероятно, корнями в первобытный страх, не исчезающий из человеческой души никогда.

Виктор, сталкивая свою ладью в воду, спросил, можем ли мы взять с собой двух пассажиров? Старика-нанайца, давнишнего друга семьи Виктора и Наташу, двоюродную сестру Виктора. Я обратил внимание на маленького высохшего от старости человечка, на котором нелепо висел не по размеру поношенный пиджак поверх брезентового комбинезона – такие одевают, отправляясь на промысел рыбаки. Лицо, цвета серой глины, представляла собой одну сплошную морщину, с двумя дырками —ноздриями, и тремя щелками – глазами и ртом. Он беспокойно перебирал ногами, обутыми в женские резиновые сапожки, красные, модельные. Такие поставляли в избытке и в ассортименте в Николаевский рай-

он японцы. А вот девушка меня, несмотря ни на что, сразу поразила, приковав к себе внимание. Она была невысокая. Это значит, что ниже, чем я. ЦУ меня рост 1 метр 72 сантиметра. Все, кто ниже меня, пусть на чуток – я считал маленького роста. А остальных, кто выше меня, пусть на чуток – высокого роста. Так, Виктор был высокого роста. А нанаец и девушка – маленького. Хотя, нанаец был сантиметров на пять ниже меня, а девушка, ее звали Наташа, была на сантиметр, не больше, ниже меня. Таким образом я собирался в плавание с членами семьи погибшей женщины. Наташа, ее дочка. Представьте себе – лохматая медная голова и зеленые глаза на тонком гибком туловище. Все оголенные части которого покрыты красными большими веснушками! Честное слово, картина, поражающая воображение и вызывающая самые неожиданные ассоциации. Например, с хозяйкой медной горы! Хозяйка Медной горы – Малахитница, Азовка-девка. персонаж легенд уральцев, мифический образ хозяйки Уральских гор, получившая известность в сборнике сказов «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова. Горный дух и дух-хранитель ценных минералов. Вот так, ничуть не меньше! Уверен, что девчонка – на вид лет пятнадцать, не больше, на самом деле оказалось, что ей двадцатый год, пользуется или, в крайнем случае, получает удовольствие, видя, как ее образ действует на мужчин. Конечно же, только на мужчин, ибо женщины в этом отношении весьма трезвы. Я, не отрывая глаз от малахитницы, кивнул головой и занес

вторую ногу в лодку. Руку помощи я подал не «медянки», а старику, который никак не мог поднять ногу, чтобы закинуть ее за борт лодки. «Медянка» изящно запрыгнула в лодку сама и тут же села за моей спиной. Наверняка, чтобы я на нее оглядывался. Несмотря на горе, она оставалась женщиной, полной самых разнообразных эмоций! Не случайно я подумал о змее-медянке – у сибиряков и не только, ходит множество рассказов и суеверий, связанных с такой змеей, как медянка. Прежде всего, конечно, ядовитая или нет эта бестия? Нападает ли она людей? И как можно защититься от нее? Вообще-то Наташа была намного красивее своей пра-прародительницы. У змеи-медянки и кожа не такая уж яркая и глаза – не чарующие и гипнотизирующие, какими только бывают зеленые глаза на фоне мраморно-белой кожи, усыпанной яркими красными веснушками. А – отгаливающие красные... Я поймал себя на том, что не вижу на прекрасном личике юной красавицы ни тени не то, что горя по потерянной мамочке, которая никак не может найти покой в своей могилке, но и даже печали. Скорее, Наташа великолепно могла прятать свои чувства, как пронзительную яркость изумрудных глаз за длинными густыми черными ресницами, обрамленными естественными тонкими ниточками черных бровей...

...Пока я размышлял о попутчице – о старичке – что размышлять? – Виктор рванул приводы «вихрей», и плоскодонка с приваренным килем рванула на встречу судьбе, своей

и нашей, пассажиров.

Час, не меньше мы скользили по зеркальной поверхности озера Орель наслаждаясь ветерком, что бил в наши открытые лица. Он, правда, оставался перегретым, но, все же ветерок! Виктор убрал плексигласовую защитную перегородку с носа лодки, и мы были предоставлены стихии «лицом к лицу».

Еще бы час и мы вошли бы в «нейтральные» воды двух озер — Чля и Орлеь. И еще часа два, чуток больше, мы могли бы быть на месте. Виктор шел кратчайшим путем, отлично зная воду, на которой вырос. Стоило мне об этом подумать, как лодка буквально дернулась и метнулась влево — к середине воды. Я открыл рот, чтобы спросить Виктора, в чем дело? Как увидел, что прямо нам в лоб, среди зеркальной глади, словно гигантский спинной плавник рыбы, чудовищных размеров, разрезал ровно зеркало воды на две половины и мчался прямо на нас! Это была очень странная волна при ясном солнечном небе, еще сохранившейся тишине и полном штиле! Мне показалась, что этот волнорез рядом с нами. Хорошо, что показалось, ибо был он еще в километре от нас, иначе нам был бы каюк! «Цунами...» — спокойно сказал Виктор и лицо его вмиг скинуло кирпичный загар, став серым. Я еще только по книжкам знал, что такое цунами и чем волны цунами отличаются от штормовых волн. Волна цунами шла ровно и прямо вперед, как по линейке. Собственно, это была не одна волна, а «гряда» волн и по воз-

растающей. Через несколько секунд со стороны «волнореза» небо и вода соединились. Солнце утонуло в волне, которая своей вершиной ушла далеко в голубизну неба, растворив ее в себе без следов. Виктор хорошо знал, что такое волна цунами и частично ему удалось оттянуть лодку от основного фарватера волнореза. Но, только частично! Минут десять, не больше мы шли параллельно волнорезу – буду так называть цунами. Но, уже не по зеркальной глади и по начинающему бурлить снизу водоему с массой хаотических волн, высотой до метра, вызванных волнорезом. Виктор вцепился в руль вихрей (он сделал один руль для обоих моторов) и старался держать перпендикулярное направление волнорезу. НО лодку нашу уже дергало, как поплавок, к «крючку» которого в водных глубинах прицепилась громадная рыба, пытающаяся освободиться от лески.

Сколько прошло времени и что удалось Виктору, прежде, чем я понял, что наше суденышко неуправляемо! Моторы еще работали, но, то и дело он крутились, как пропеллера глиссера (нет лучшего сравнения) в воздухе. Нас спасал киль, иначе мы давно бы кувыркались по горизонтальной оси. Вернее, кувыркалась бы лодка, а нас, людей, разбросало бы на все четыре стороны!

В такой ситуации, когда невозможно ориентироваться в окружающем, перестаешь ориентироваться и во времени. А в пространстве мы не ориентировались настолько, что не знали не только, где перед, где зад, но и где – справа, где

слева, где верх и где низ! Виктор что-то кричал нам, не обращившись, но грохот был такой, что слышно ничего не было. Да и видеть его я мог только очень короткими периодами, когда он, словно выныривал из-под воды. В лодке воды не было, ибо качка была такая, что, наполнившись мгновение с верхом водой (сохранялась плавучесть вместе с нами, пассажирами), в другое мгновение вся вода просто «выплескивалась».

Да, а пассажиры, я оглянулся и убедился, что все на борту: старичок залез под скамейку, обложившись пустыми баками. То ли сам догадался и успел так сделать, то ли стихия так распорядилась, но баки были крепко закреплены к скамейке, благодаря перекрутке с ней длинного троса, соединяющего баки. Таким образом о нем волноваться было нечего, за борт его не выбросит, и утонет он только вместе с лодкой. А вот «медянка», как и я, как села, так и с места не сходила, изменила, правда позу – кистями держалась за лавку, посреди которой сидела одна (в лодке были три скамейки для пассажиров: я сидел на первой, «медянка» – на второй, старик под третьей. Виктор, естественно, держался своего места на корме. Мы, трое «активно-спасающихся», держались не только руками, но и ногами. У Виктора было для этого специальное приспособление, а мы с девушкой ногами сжимали снизу скамейки. Девушка потеряла свое очарование. Действительно, мокрая, озябшая – на ней было только ситцевое платьишко – она была похожа на мокрую кошку. Но,

судя по прямой осанке и весьма эротичному виду – мокрое платьице обтягивала плотно все ее богатые плотские прелести, которые можно было видеть в «просветах» убивающих нас волн и кувыркающей лодки!

Мы давно уже были в огромном «водовороте» штормовых волн, смешавших небо и землю. Тогда у меня возникла мысль, что мы как маяк в шторм кувыркаемся на месте. Только в отличие от маяка, надежно прикрепленному к одному месту файлом, с бетонной балкой вместо якоря, мы ни к чему прикреплены не были. Виктор весьма хорошо подготовил лодку к штормам и килем, и баками, кроме тех, которые для пассажиров, приваренными по бокам лодки высоко от ровной воды. Штормовые волны нам были не катастрофически страшны, но, вот столкновение лоб в лоб с волной цунами, этой «бетонной» плитой воды или наезд волны цунами на наше суденышко – однозначно конец!

Я успокаивал себя, что обычно, как мне было известно, давно интересующемуся цунами, второго «ряда» волнореза не бывает. А первый промчался стороной, валя, как огромная бензопила, притопленные вековые ели, кедры, сосны, – все, что было на его пути. Я мысленно прочертил направление движения волнореза цунами, и у меня получилось, что он на одной прямой со знаменитым прииском «Многовершинка», где золото добывают взрывами динамитных шашек, закладываемых в «ствол», просверленный в монолитной породе. Так, если под слоями земли, под корнями де-

ревьев приамурской и приокеанской тайги сплошной пласт камня, то совсем просто понять происхождение цунами! А, если я ошибся, связав волнорез цунами со взрывами на прииске Многовершинки (о нем будут отдельные записки), то в радиусе 200—300 км. Есть и еще несколько золотых приисков, где также взрывают золотоносную породу, а потом промывают драгами. Будет случай – и об этом расскажу. Везде я был исключительно как судебно-медицинский эксперт, а то и – следователь прокуратуры. Вскрывал трупы и «отбирал» показания...

Размышления мои отражали мою активную жизненную позицию. Как в анекдоте про Ивана Павлова, нашего великого физиолога. Он, умирая, окрутил себя проводами датчиками и окружил сотрудниками, чтобы они фиксировали и анализировали умирание в ясном сознании старика. Умер Павлов на 88 году. Можно сказать, «от старости». Так вот, правда нет – не знаю, но встречал в разных источниках. Звонит ему в этот момент Сталин, чтобы справиться, как здоровье великого академика СССР. Сотрудник, было протянул телефонную трубку Павлову, прошептал – *«Вождь просит...»* На что Павлов ответил: *«Передайте вождю что Павлову некогда с ним говорить, Павлов умирает!»* Я это к тому, что тонуть мне тоже было некогда. Я решал более важную задачу – происхождение цунами на озерах Орель-Чля!..

...И все же ходы моих мыслей о происхождении цунами на приамурских озерах были прерваны... настоящим ужа-

сом, какой охватил меня, когда я понял, нет не услышал, это было невозможно такая какофония стихий – воды, ветра, вселенского шума, стояла над нами и в нас, понял, что моторы заглохли! Вот теперь мы точно поплавок – ничуть не лучше омулевой бочки, в которой бродяга Байкал «переехал». Помните? *«Славное море, священный Байкал, Славный корабль, омулевая бочка, Эй, баргузин, пошевеливай вал, – Молодцу плыть недалечко»* Точнее, я здесь смешал две песни. К нам больше относилась песня на слова Дмитрия Давыдова, кто знает...

...Наверняка в панике, я соскочил со своего «насиженного» места и рванул, цепляясь за сиденья (кстати, случайно схватил за кисть «мокрой кошки», что меня отнюдь не впечатлило). А вот для нее, как я потом узнал, это был знак, что я ее не брошу и что если погибнем, то вместе: я при спасении утопающей! Эта была чистейшая неправда, когда я ей это сказал, она слегка была огорчена, ибо была почти уверена, что произвела на меня романтическое впечатление, что (мистически!) помогло нам выжить. Я уже добирался до Виктора, когда мой ужас и моя паника – слились, если такое возможно в одном человеке – я увидел лицо Виктора в полной растерянности и отчаянии. В таком состоянии, как правило, человек совершает нелепые, чреватые трагическим исходом, действия! Это было и с Виктором: он «ловко» снял крышку одно вихря и принялся было за другую, когда я успел одной рукой остановить его руку, тянущуюся к крышке второ-

го «вихря», а другой дать ему со всей силы, которую позволили мне обстоятельства – лодки-поплавка! Я кричал ему, что он и самоубийца, и убийца.. Он, естественно (sic!) ничего не слышал, но по моему лицу, я был рядом, понял, мои чувства и... пришел в себя. По его губам я прочитал, что он спрашивает меня, что делать? То есть, что он полностью в себя не пришел. Я выхватил у него крышку и начал закрывать её залитый водой мотор. Обращаться с лодочными моторами я не умел. Но, тут как-то получилось. Дальше, как умный робот, я схватил болтающийся тросик, запускающий «вихри» и с силой, дернул его... Вот тут произошло одно из чудес моей жизни. Умом такое не понять (как Россию, видимо). Короче: вихри с полуоборота запустились, и лодка рванула, Виктор мгновенно пришел в себя и схватил за руль. Мы пошли в прямом смысле этого слова – в гору набегающей на нас очередной волны. Я сел рядом с Виктором, инстинктивно боясь, что если пойду к себе, то моторы заглохнут! Глупо, конечно. Мое присутствие на «вихри» теперь никак не влияло. Но Виктор, видимо, думал иначе. Решил, что я в таких делах, как запускать залитые водой моторы – ас! И, вообще, ас. Он почти прижал рот к моему уху и спросил, что дальше делать? Я сначала подумал, что он о моторах, а он, повысил меня в должности до капитана на его «корабле». Я посмотрел в сторону, как мне думалось, противоположную, той, где прошел волнорез цунами, и увидел... тайгу! Нас почти прибило к берегу. Да еще к какому – незатоп-

ленному! Мы все увидели землю и вдруг гул, шум, треск – исчезли. Наступила не первоначальная тишина, как мы отчаились, но все же мы могли слышать друг друга. «Однако, берег...» Это подытожил нанаец, успевший как-то быстро распоясаться и вылезть из под своей скамейки. И это было еще не все. «Мокрая кошка» обняла меня за талию и прижалась ко мне. Я понял, что не только Виктор произвел меня в капитаны, но и мои попутчики. И я принял свою роль, скомандовав Виктору, чтобы направил лодку к берегу, а дальше, шел вдоль берега. Я говорил уверенно, не совсем не был уверен, что вот там, за поворотом, вновь не начнется ад кромешный! Тихой сапой мы пошли вдоль берега, очень осторожно, готовые ко всему и плохому, и хорошему.

Сколько времени мы, на все увеличивающейся скорости по мере возвращающегося к Виктору прежнего состояния духа, шли вдоль утопленных, местами по самую верхушку деревьев, не знаю. Часа три, не меньше. Вышли до полудня. А увидели желаемую цель – Чля, в вечерних огнях. Нам на встречу пробились два луча от мощных прожекторов. Когда нас увидели, на берег навстречу вывалил весь поселок, за исключением покойной и того, кто скрылся с места преступления, ударившись в бега.

Мы спокойно и благополучно причалили, Виктор взял на руки старика и понес, ибо японские сапожки были невысоки. Мне же досталась... хозяйка медной горы. Я нес ее и чувствовал, что несу родное существо. Нет, это не вне-

запная страсть эротическая, которой нередко заканчивается паника с благополучным исходом. И не гипноз изумрудных глаз, которые смотрели на меня с восхищением. Наташа потом уверяла меня, что именно я, своим хладнокровием (а у меня была паника!) спас всех и покорила ее сердце девственницы напрочь... Ну, да ладно. Подробности в другой части записок. Здесь же, увы, я должен еще сообщить, что Виктор, воодушевленный таким «гладким» исходом, не исключено и то, что ему нужно было, для него самого, реабилитироваться. Вернуть себя с четью отданное мне право капитана судна в самую трудную минуту. Может и что-то совсем на мои предположения не похожее. Но, оставив нас на берегу, окруженных ликующей толпой, он лихо прыгнул в свою ладью, дернул «конец» «вихрей», они взревели, он стал разворачивать нос... в обратный путь! «Куда?!» – закричал я. К моему голосу присоединились крики встретивших нас. На большой скорости, проносясь мимо нас, он прокричал: «Я скоро, я вернусь... Там же люди ждут!»...

...Сколько ему удалось проплыть – никто не знает. Почему утонула лодка с пустыми баками, с огромным килем – трудно понять. Думаю, что врезалась в волну цунами или была накрыта ею... волнорезом второго хода! Виктора нашли случайно, зимой. Рыбаки ловили на льду посередине Чля и зацепили его... Я убедил прокурора, что нет необходимости проводить судебно-медицинскую экспертизу, достаточно, если труп осмотрит глав. врач больницы. Прокурор меня

послушал. Виктора похоронили рядом с его теткой. «Вихри» с лодкой до сих пор ищут: хороший был у парня корабль!

Часть 2

Отвечая на приветствия встречающих нас кивками, я прямо направился к дому на окраине поселка – в километре от причала. За мной засеменила Наташа. и присоединился долговязый парень в белом халате и во врачебной шапочке. Я понял, что это и есть главврач, из-за которого я чуть было не утонул. Мне не нужно было спрашивать, где дом с покойницей, ибо, приторно-тяжелы и липкий запах разложения человеческого тела в жару на поверхности – не спутать ни с чем. Он распространяется до двух километров по открытой местности. И ветер ничего не может с этим запахом поделать! Народ расступился, давая мне дорогу. Слова, обращенные ко мне я не слышал, потому что не слушал. Сосредоточился, пытаюсь отгадать, что я «найду» с первого осмотра трупа прямо в гробу. На быстром ходу почувствовал, что кто-то пытается меня догнать. Оглянулся, это был дедушка. Я приостановился. Он подбежал ко мне и хлопая меня по спине сказал: «Увидимся, однако!» И, довольный, что я, остановился для него, побежал прочь, как бегают дети, в припрыжку. Врач что-то мне говорил, но я никак на его слова и сопровождение не реагировал. Я действительно был поглощен мыслями об «интриге», разоблачить кото-

рую я должен и сразу. То, что «сразу» – такое было у меня наитие.

Я весьма толерантен к различным негативным. Скажу так, запахам человеческого тело и мертвого, и живого. Анализ запахов – компонент моей экспертной работы. Рвотный рефлекс был подавлен полностью. Подходя к дому покойницы, окна и дверь которого были открыты настежь и приперты, чтобы не захлопнулись от сильного ветра. Возле дома ни души. А как же звери? Вдруг труп уже обглодан одичавшими собаками, которых было полно в тайге, волками и другими хищниками, вроде рыси, россомахи. А медведь вообще любить разлагающееся мясо – никогда свежину не ест... Я прошел через какую-то комнату и понял, что гроб стоит в большой комнате, и тут же, шагнув, увидел его, гроб с покойницей и кучей завядших таежных цветов, запах разложения которых как бы параллельно сосуществовал с основным запахом – гниющего на свежем воздухе в невероятно жаре, человеческого тела. Я подошел к гробу. Он, конечно, был открыт. Крышка стояла у стены рядом. Сразу обратил внимание, что шея покойницы закрыта полностью шелковой косынкой. Распустив косынку – первое, что я сделал – я увидел... странгуляционную борозду... посмертную, как я предположил, несмотря на то, что кожа не шее уже сползала лоскутами. Потом я надел перчатки, вынул их из фирменного саквояжа, и приподнял оскалившуюся серо-зеленую голову... с медными волосами! Мне не нужно было откры-

вать глаза покойнице. Я знал, что они ярко-зеленые, были таковыми до разложения, как у Наташи! Мне было немного не по себе, ибо, абстрагируясь от того, что с телом сделало разложение, я видел, что Наташа – копия ее мама! Наташа, с которой я был на краю гибели, сейчас лежала передо мной в гробу, в похоронном одеянии...

...Только я взял голову двумя руками и приподнял с маленькой вышитой подушечки, как мои безымянные пальцы и мизинцы просигналили мне, что теменно-затылочная кость разможжена! Вот и интрига! Смерть наступила от сильного удара тупым твердым предметом по затылку. Женщина умерла мгновенно (кстати, ее тоже звали Наташа, мама назвала дочь своим именем, видя, что девочка будет ее копией). Мгновенная смерть... а кто тогда подвесил еще горячее мертвое прекрасное тело, засунув окровавленную голову в петлю? Кто это сделал, не нужно долго думать, чтобы понять, что имитировал самоубийство через повешение, и делал это, находясь в состоянии сильного аффекта. Вот для психолога задача. Человек разможил голову, мысль у меня была – обухом топора – затем вытер от крови голову и волосы, сделал петлю – наверное на эту мысль натолкнула его находившееся рядом бельевая веревка, и повесил труп! Я уже рисовал картину убийства и, получалось, дилемма: умышленное или неумышленное убийство? То, что я подумал, что повесить труп подсказала рядом находившаяся веревка, я заранее склонялся к... неумышленному убийству! И скоро на-

чал думать о месте совершенного преступления: сарай, который я проходил. Топор, веревка – им место в сарае. Но... зачем идти с жертвой в сарай, чтобы убить? Я был убежден, что труп, который нашли висящем в сарае, никуда не перемещали...

...Я сделал стандартное вскрытие «по Шору», взял кусочки органов на химический анализ, зашил труп и даже сам одел его и вышел к блюющему глав. врачу, который делал это, прижавшись к громадному кедру, дожидаясь меня и, наверняка, моля бога, чтобы я не позвал его, коллегу, в помощники! Мы направились в лабораторию больницы, чтобы упаковать органы в банки с формалином. На этом моя миссия с трупом была закончена. У больницы стояла кучка людей. Ждали меня. «Хороните!» – Сказал я спокойно. В лаборатории я распорядился, чтобы глав. врач по очереди направлял ко мне всех, кто может что-то сказать о покойной. Но не больше десяти человек. И расположился удобно в кабинете глав. врача (опускаю гигиенические процедуры, которые, конечно же совершил с собой, покинув переодетый труп с тряпками в собранный мной череп, вместо мозга, который оказался, как всегда, в животе, на месте желудка). Распорядился, что обедать буду после опроса «свидетелей». Глав. врач весьма дружелюбно пригласил меня к себе домой...

...Главное, что я узнал, что женщина вот уже год жила с молодым «вольным» охотником, каковых тогда на ДВ в тайге было чуть меньше, чем БИЧ-ей (бывших интел-

лигентных человек) – вольных индивидуальных старателей по драг металлам и золоту. Этот промысел в определенных районах приамурской и приокеанской тайге был разрешен. Сожитель покойной Наташи был на пятнадцать лет моложе ее. Опрашиваемые в голос утверждали, что Наташа и Гарик (он был армянином) жили дружно и, по любви. Ссор между ними замечено не было. Главное, что Гарик исчез... По описанию опрашиваемых, Гарик был красивым, «большим» мужчиной, который мог поманить пальцем любую женщину поселка, и она бы, не задумываясь, к нему побежала. Для меня было важно, что Гарик мог легко поднять труп Наташи и повесить его. И, что национальный темперамент мог довести его до убийства. Но... одна могла быть здесь причина – ревность, неверность Наташи? Опрашиваемые категорически заявляли, что Наташа «гулять перестала, как только сошлась с Гариком. Гарик был трезвенник и никто не видел, чтобы Наташа выпивала, будучи с Гариком. До него – она пила...

...И вот передо мной дилемма – как-то нельзя манкировать приглашением глав. врача, который только принял больницу и мы не были знакомы. С другой стороны, сердце рвалось к Наташе, которая сообщила, что после поминок ждет меня у себя, для этого ей приготовили целый дом, на другой окраине поселка, от дома ее матери. Прокурор дал мне двое суток на отдых в Чля, после чего, если погода наладится, меня сменит следователь прокуратуры (о нем, совет-

ском Коломбо, будут у меня особые записки и не одни). Я решил так, что отобедаю у главврача, а потом уйду к Наташе и оставшееся время проведу с ней. Но, судьба распорядилась иначе. Стоило мне войти в горницу коллеги и увидеть его жену, тоже, кстати, врача, я понял, что вряд ли мне дворе суток хватит: Валерия, Лера – так звали жену Коли (имя главврача), была поразительной красоты и какой-то необыкновенной чистоты, которая просто окутывала ее почти осязаемой аурой. Голос – грудной, глубоко женственный. Сейчас бы сказали чрезвычайно эротичный. Она посмотрела «полными» карими глазами на меня, и я был в ее плену! В Наташу я вроде бы влюбился, пережитое очень сблизило нас без слов. Она магически приворожила меня. А Валера мгновенно, мановением белой руки (такие, наверное, были у Афродиты, поэтому их и украли), просто стерла все навьи чары Наташи, как легкий флер, если так можно выразиться. Я даже не стал ее рассматривать, чувствуя и внутреннем взором видя, как прекрасно и как желанно ее тело для мужчины, какой знает толк, что такое «женщина с изюминкой»! Я со страшной силой (наверное, моя плоть требовала разрядки, и душевной и телесной) захотел ее, да так, что боялся, что муж это почувствует и очень хотел, чтобы это почувствовала она, Валерия.

Коля принялся доставать соленья и моренья к столу, а Валерия предложила мне осмотреть дом, сообщив, что она двумя контейнерами перевезла сюда почти всю семейную библиотеку, без которой жизнь нигде не мыслит. А, в Чля, по до-

говору, они должны прожить (оба ленинградцы) три года. Если же понравится, то еще три года. Они были однокурсники и одноклассники. До этого, как оба признались, даже не симпатизировали друг другу. Значит, мои новые друзья-коллеги были на год младше меня. Но Лера была юна, и выглядела лет на 18. «И, почему они, Наташа и Лера, юные, в моих глазах выглядят моложе своих лет?» – Мелькнула хульная мысль...

...Это произошло в библиотеке. Лера тихо закрыла за нами дверь, и сразу быстро встала передо мной на колени, а ее длинные, белые пальцы с городским маникюром, начали нежно расстегивать пуговицы на моих брюках. Тогда минет не был обычным началом секса. Женщины крайне неохотно шли на него. По поводу минета среди нас, медиков, ходило множество скабрёзных анекдотов... У меня еще не было женщины, которая сделала мне полный минет. Больше того, я, влюбчивый и, падкий, что скрывать, на женщин, продолжал стесняться не то, чтобы дать женщине в рот, но просто подумать об этом! Больше того, я стеснялся своего сильно напряженного члена и не мог без смущения произнести «сперма»! А тут... такое! Я, чувствовал, что краснею, что разрываюсь в противоречивых чувствах – войти в алый пухлый рот с слегка вздернутой верхней губой и, теряя сознания и задыхаясь от сжатого с воплем наслаждения дыхания, выбросить глубоко-глубоко туда, в бездну рта, СПЕРМУ!

Конечно же я отключился и пришел в себя, когда почув-

ствовал, что мой член уже в другом раю: я лежу на спине, а Лера, обхватив меня широко раздвинутыми ногами, плавно и мягко скользит по члену, руки ее с городским маникюром нежно лежали у меня на груди. Ее огромные карие глаза в упор смотрели на меня, рот приоткрыт, дыхание ровное, жаркое. На лице улыбка нет, не наслаждения, счастья! Пардон, мы кончали вместе раза три+ минут, во время которого, по признанию Леры, она «трижды испытала сильный оргазм». С ее слов, потом, у меня дома в Николаевске-на-Амуре, она сказала, что я – второй ее мужчина после мужа. И что первый и единственный, у кого она взяла в рот...

...Несколько слов о моих новых друзьях-коллегах Валерии и Николая Будаковых. Самое главное – они были чрезвычайно уважаемые в поселке и в таежном окружении. Не успели распаковаться, как жизнь испытала их на прочность и возможность с достоинством жить и работать в таежном ДВ-поселке. И вот, как это случилось. Буквальные в первые дни работы в больницу из тайги доставили изрядно помятого медведем вольного охотника. Погода была нелетная и ждать помощи из города было напрасно. Коля восемь часов не отходил от операционного стола и, фактически один собрал из «кусочков» охотника, сохранив ему полную работоспособность. Это при переломе костей рук, ребер, грудины, рваной раны лица, открытой раны брюшной полости и прочих «мелочей». Через несколько дней Валерия, в отдаленном хуторе сделала кесарево сечение и спасла маму и двоих

детей, также, без каких-либо осложнений. Всенародная любовь, уважение и полная личная безопасность (что в таежном поселке не малое дело). Мужики и оседлые, и «бродячие» по тайге положили глаз на Валерию сразу, как только она сошла с трапа вертолета. Молодая, статная, высокая женщина неопикуемой красоты и трудно скрываеваемой вулканической сексуальности. Таких баб, пардон, мужик чует за версту. Коля же до случая с помятым медведем мужиком вызывал о потенциальных соперниках чуть ли не презрении. Долговязый, с узкими плечами, толстыми бедрами, как у женщины, с покрытым юношескими прыщами лицом. Было естественное недоумение, что такая женщина могла найти в таком мужинке? Некоторые мужики потирали руки и глотали слюнки, предвкушая легкую победу над ленинградской красавицей. Женщины же только улыбались. Они-то сразу поняли Валерию: как карточная дама, только сверху дама пик, а снизу, в смысле, как подводная часть айсберга, дама черви. Лед и пламя... и золотые руки.

Любовь в библиотеке окончили ко времени, когда Коля накрыл стол. Они, конечно, хотели, чтобы я остался ночевать у них. Но... меня ждала Наташа! Оставить ее одну или с родственниками на поминках, которые будут длиться, несомненно, несколько дней и ночей, я не хотел: ей переживаний, полученных на озерах, было вполне достаточно. Она мне представлялась очень хрупким созданием, физически и душевно. Поэтому, улучшив момент, я сказал Лере, что

после обеда уйду в приготовленный мне дом. И, завтра, если будет летная погода, за мной прилетит вертолет. Я также сказал ей. Что дома практически не бываю и поймать меня можно только в морге. За обедом, несмотря на то, что аппетит у меня разыгрался, я не рассиживался и после граненого стакана брусничной настойки на медицинском спирте, закусивши копченой по-домашнему севрюгой, я сказал чете Будаковых, что ухожу, хочу отдохнуть. Возражения и уговоры твердо отверг, вставая из-за стола. Странно, столько события и каких: цунами на озере с Наташей, «цунами» в библиотеке с Лерой. Вскрытие разлагающегося трупа Наташи-старшей... и не в одном глазу усталости! Я предвкушал «цунами» с Наташей в ее доме!..

...Я был уже у двери на выход с котомкой съестного и выпивки, что приготовил лично Коля (саквояж я оставил с банками в лаборатории), как в дверь робко постучали. Пришел старичок с подарком. Он вытряхнул из мешочка шкурки четырех соболей. И словно опережая мой ненужный вопрос, сказал: *«Они со штампами артели... я заработал, а теперь тебе дарю... Собираюсь в Николаевск, привезу еще подарков»*. Охотники были не только вольные, но и артельные. С артельными расплачивались за добычу деньгами и их же, добытыми шкурками соболя, чернобурки, песца, норки, колонка и т. д. Только такие шкурки можно было приобретать. За шкурки без клейма можно было нарваться на большую неприятность от следователей ОБХСС УВД Никола-

евска-на-Амуре. Правда, за три года работы в Николаевском районе не было случая, чтобы кого-нибудь наказывали за «украденный у Государства» мех. Все сотрудники прокуратуры и милиции выделывали свежие шкурки у тетки Муси, которая жила за окраиной с тридцатью тремя котами и тремя волкодавами. (О ней речь пойдет в своем месте и времени записок и не единожды). *«Ульгучье – так звали старичка с соболями, ты перво-наперво привези доктору в Николаевск шкуру медведя. А, собольков, норок и прочее он раздарит своим дам...» – «И медведя и для дам, все привезу...»* О легендарном роде Ульгучье, с которым меня за три года работы в Николаевском-на-Амуре районах судьба связала мистическим узами, тоже расскажу, придет случай...

...Валера «поймала» меня по телефону в морге на второй день, как прилетел домой. Двое суток из-за непогоды и провел с Наташей. Но, сначала несколько слов о наших коротких отношениях с Валерией. Я взял трое суток отгула, когда ко мне прилетела Валера. Трое суток мы не выходили из моей квартиры. Трое суток мы занимались любовью, выжимая из наших молодых и сильных тел и душ, все, что может выжать вулканическая (цунамическая) страсть. Именно с Валерией и впервые познал все прелести Камасутры на практике, как и она тоже. Все эти секс-асаны, типа *полет орла*, за которые тогда в США можно было получить срок почти во всех штатах. Потом она улетела домой. Больше я никогда ее не видел не слышал. Возможно, она зво-

нила в морг, звонков туда масса. Линия как в «Сольном» в революцию. Чтобы дозвониться, например, из поселка Чля в Николаевск-на-Амуре, нужно пройти через ряд промежуточных телефонисток. На последней связь может обрываться. Так, что я не знаю – звонила и как долго Валерия ко мне морг. Полететь в Николаевск-на-Амуре из Чля – тоже проблема. Можно в любой сезон застрячь на месяц. Я же Валерию не разыскивал. Конечно, хотел бы с ней встретиться, но уповал на случай – если будет командировка. Но Коля больше прокуратуру не беспокоил. Трупы вскрывал сам. Я даже выделил ему 0,25 ставки судебно-медицинского эксперта... Вот такая история! Мой ангел, видимо, не услышал жарких и страстных слов Валерии у меня в квартире: *«Ты мой, только мой, навсегда!»* И, последнее. Если у меня есть дети, о которых я не знаю, то в первую очередь ребенок должен родиться в поселке Чля...

...С Наташей тоже любовь была короткая – чуть больше суток в поселке Чля. Смерть и похороны мамы ее словно никак эмоционально не задели. Как я узнал потом, ее воспитывали бабушка с дедушкой во Владивостоке. Но маму она навещала регулярно с иной целью. Эта, показавшаяся мне хрупкой девчушка, на самом деле имела стальные мышцы, что не безобразили ее великолепную точеную фигурку. Она была – мастером спорта и рекордсменкой по мототриалу. Неоднократной чемпионкой Владивостока и в целом Дальнего Востока. Готовилась для вступления во всесоюзную ко-

манду. В Чля у ней был мотоцикл для тренировок по тайге. Так, что ночью Наташа, в избытке чувств от чрезмерных потрясений, призналась мне в любви и отдала свою девственность. Секс с ней был, конечно, интересный, но ни в какое сравнение ни шел с физическим обладанием Леры! Да и Наташа любила, скорее головой, чем телом. Но, вот езда с ней по тайге, болотным кочкам, по горному массиву – явление незабываемое на всю жизнь. Нечто подобное я в жизни испытал еще раз – с моим трагическим другом (рано погибшим, может опишу его нелепую смерть, хотя уже неоднократно о Сереже Елисееве я писал). Сережа был нештатный каскадер на студии «Мосфильм» и «Грузия-фильм» Он снимался во многих советских фильмах, заменяя каскады актеров, исполняемые на различных авто, в том числе и на мотоцикле... Я улетел в Николаевск-на-Амуре. А Наташа осталась в Чля, а потом улетела во Владивосток. Однажды она позвонила мне, из Владивостока, сказала, что едет в Чля и пригласила меня с собой. Но, кроме боли в ягодицах от тряски по кочкам и таежным «неровностям», никаких иных телесных наслаждений, которые я испытал с Наташей, не запомнились. Но я встречей с ней манкировал.

Часть 3

Лабораторный анализ показал, что перед смертью Наташа-старшая имела половые акты с двумя мужчинами – спер-

ма во влагалище и прямой кишке. Старший следователь прокуратуры (прототип знаменитого Коломбо) Олег Савчук, прочитав это в моем Акте, плюнув в урну, которая стояла рядом с его столом, спросил: *«А ты можешь сказать, через какой промежуток попала сперма, куда ты пишешь? Или сразу? Второе. Вроде бы исключается, судя по показаниям твоих опрошенных»*. Кстати, своими допросами я освободил Олега от необходимости на данном этапе лететь в Чля, чему он был рад. У следователей Николаевска-на-Амуре, особенно прокурорских, командировок было не меньше моих. *«Олег, не мне тебе советовать... Но, нужно объявлять в розыск всех артельщиков и вольных охотников, кто „работал“ с Гариком. Ты меня обычно не слушаешь, как мне представляется это „дело“, но я все же скажу, что Гарик, если и убил Наташу, то не из-за ее неверности... Что же касается с какой чередой она принимала в себя любовников, я могу только, с вероятностью 25% сказать, что в один день, но не в один час...»* – *«Продолжай, продолжай, я все равно тебя не слушаю! А, вот на поставленный мне вопрос ты ответишь в дополнении к Акту по статье УПК 282...»* (об отказе дачи показаний или за заведомо ложные показания; сейчас это статьи 306 и 307 УК РФ)...

...Я любил ходить в небольшую «забегаловку» в порту. И не ресторан, но и не столовая. Всегда полный один зал. Отличная кухня, всевозможные, в том числе заморские напитки, доставляемые японцами, вывозящими из ДВ тайги стро-

своей лес – японскими лесовозами был забит Татарский пролив. А в поселке Николаевского района Мыс Лазарева, был даже японский интерклуб, который посещала только японская морская и наша, портовая, элита (подробно в записках о «Мыс Лазарева»). Прошел месяц, дело об убийстве Наташи-старшей и попытки имитации самоубийства, зависло. Гарик исчез. Среди знавших его артельщиков не нашлось второго любовника Наташи. И вот я сижу за столиком на двоих – всегда для меня такой стол специально ставился – и жду заказ. Неожиданно за мой стол со своим стулом садится... Гарик! Официант, видя, что я не один, тут же ставит второй прибор, включающий, укажу особо, ложку, нож и вилку, две рюмки и графинчик с водкой – это заказал Гарик. Я никогда в данном заведении в рабочее время алкоголь не заказывал. Сел и демонстративно, во-первых, уперся глазами в мои глаза, а, во-вторых, положил свои огромные кулаки на стол, рядом с ножом и вилкой. Я расслабился, как всегда делал на ринге, когда видел, что противник не из простых и нужно внутренне мобилизоваться. А зал был переполнен! Стоял обычный для таких заведений гул. Столы были плотно поставлены друг к дружке, спинки стульев касались друг друга. Минуту, не меньше, Гарик улыбался и смотрел в мои глаза. Он не успел ничего сказать, как вошел милиционер из рядовых. Я знал всех работников прокуратуры и милиции не то, что в лицо. Но и по именам. Я автоматически взглянул на милиционера, он заулыбался и взял под козырек.

Как оказалось, он пришел за сигаретами и выпить у стойки рюмку водки. И вот тут Гарик тихо сказал: *«И не пытайся... Он не успеет тебе помочь, как я всажу тебе нож с вилкой в горло. Начнется паника и я смоюсь. Милиционер стрелять здесь не смеет, а подбежать ко мне – не проберется. Да, я знаю, что ты боксер, самбист и все такое. Но здесь, чемпион, ты ничего со мной сделать не успеешь. Я владею ножом с пеленок. Я же кавказец! – Это он сказал с гордостью и слегка откинулся на стуле...»* При словах о ноже, я невольно рассмеялся и выпалил: *«Гарик, ты когда последний раз работал ножом? Да, не хлеб, конечно, резал... А я вот сегодня уже трех, таких как ты, спотрошил. Я работаю ножами разными, чрезвычайно опасными, и, представляешь, ни капли крови при этом на руках... И вилки у меня по круче этих... Так, что, ты, кавказец-засранец не успеешь нож с вилкой со стола поднять, как я нацеплю тебя на вилку, а нож будет у твоей сонной артерии...»* Эти мои слова ввели Гарика в некоторый дизладь с собой, вместо излади со мной: все, что угодно, но такой реакции на его слова он от меня не ожидал! А, когда пришел в себя, я держал вилку и нож в тех местах Гарика, в каких обещал. Он пошевеливаться не мог – вилка входила в гортань, снизу, а нож давил на кожу, под которой пульсировала сонная артерия. Улыбка вместе со здоровым цветом смуглой кожи вмиг сошли с его лица, руки плетью упали вниз. Он сильно испугался. В это время милиционер пробрался к двери, приоста-

новился, и показалось, мне подмигнул. Скорее всего, показалось!

...«Док, давай поговорим... Народ сказал, что ты думаешь о смерти моей женщины. Но я ее не убивал и пальцем не тронул... То, что в сарае произошло, ввело меня, наверное, в шок. Это с испуга я ее подвесил, дурак. Вообще я давно хотел от нее уйти. Гуляла она. Могла заразить. Но другой женщины найти не мог. Одни гильячки (общее название коренных жителей Приамурья) на нас, бродячих мужиков, падки и то за водку... В тот день, когда все произошло, идя к ней, я встретил своего земляка, Генрика... мы с ним уже несколько месяцев с общего согласия по очереди ходили к Наташе спать. Но для сельчан Генрик был неизвестен, приходил, когда все спали...» На этом месте я прервал Гарика, сказав, чтобы он сразу отсюда шел в прокуратуру с повинной, к следователю Савчуку... И написал на салфетке, чтобы случайно его не задерживали, что он идет в прокуратуру добровольно и я за него ручаюсь... Но записку я написал после того, как Гарик подробно мне рассказал, что произошло в сарае...

...А, произошло вот что. Пошли они с Наташей в сарай с дровами. В поселке не было газа, электричество давали по часам, так что обеды готовили и прочее на печках с баками для воды. Даже в Николаевске-на-Амуре воду кипятили в специальных титанах, которые стояли на кухне, похожие на паровозные трубы. Вообще-то это удобно. Вни-

зу титан сделан по камин. Два удовольствия сразу! В сарае между Гариком и Наташей произошла сцена. Это было после полового акта. Сначала Наташа была с Генриком, а через два часа с Гариком. Она была весьма похотливая, не то, что дочь... Гарик в сарае сказал, почти, как принц датский, Гамлет: *«Твой титан не успел остыть от Генрика, как ты приняла меня. А сейчас для кого я буду воду кипятить?»* Наташа разозлилась и сказала, чтобы он убирался от нее, недоел до чертиков... При этих словах... *«Рука моя инстинктивно поднялась... Но я никогда женщиной и пальцем не трогал, и Наташу ни за что бы не ударил. Но ей показалось, что я хочу ее ударить. Она стояла спиной к поленнице с березовыми поленьями и чурками до потолка сарая. Это три метра, не меньше. Наташа попятилась, споткнулась о чурку, лежащую на земле и упала спиной ударившись о поленницу. Дрова посыпались. Крупное полено прямо упало ей на голову, это оно пробило ей голову... Она сразу умерла, не вскрикнув. Я сильно испугался, что решат, что я ее убил поленом. Запаниковал. Увидел веревку... Дальше действовал, как во сне... Повесив Наташу, прокрался домой, взял ружье и свои котомки и в тайгу... Очень хотел с вами встретиться. О вас хорошее мнение, можете понять по-человечески, а у следователей...»*

...С моей запиской Гарик пошел в прокуратуру, это двадцать минут быстрого шага от портовой забегаловки. Я пошел в морг и оттуда позвонил Олегу. Гарик сидел у него в ка-

бинете. Я сказал, что готов подтвердить, что Гарик рассказывает правду, как свидетель под статьями УПК. Но Олег все упростил. Взял с Гарика подписку о невыезде. Гарик неделю прожил в гостинице Николаевска-на-Амуре, каждый день показываясь Савчуку. Потом был полностью реабилитирован и ушел в тайгу. Но, как рассказывал мне как-то Генрик, бросил промысел, уехал в Армению. А потом организовал строительную бригаду и начал шабашить. В 90-х годах с молодой женой был в Николаевске-на-Амуре. Остановились в номере для VIP, в отеле. Который принадлежал Гарику. Армянский коньяк лучших сортов был в нашем пивбаре. Денег в отеле с нас не брали, мы были гостями Гарика. Но с ним ни разу не встретились. После распада СССР Олег Савчук стал бомжем. Скитался по тайге от одного нового хозяина-промысловика, к другому. Получил прозвище «сохатый»...

P.S. Тогда, в портовой забегаловке, где я встретился с Гариком, все посетители были оперы КГБ. Гарика вычислили, и он находился под чутким наблюдением гэбистов. Так, что мне ничего не грозило. Но узнал я это от Савчука, когда дело Гарика было отдано в архив. КГБ часто помогало прокуратуре и милиции. Их в таком портовом городе, как Николаевск-на-Амуре, в советские времена было неисчислимо больше, чем следователей прокуратуры и следователей, участковых, оперативников УВД вместе взятых.

Часть 4. Отдельная

...Это случилось в последний ноябрь моего пребывания в Николаевске-на-Амуре, вообще на ДВ. Я вообще я дорабатывал судебно-медицинским экспертом. После отработки без отпуска три года мне полагался отпуск полгода. За время отпуска я собрал вещи, уволился, отказался от должности члена горкома (не будучи партийным – sic, я был постоянным лектором горкома КПСС) и горисполкома. Отдал государству по шикарную по тем временам для Крайнего Севера квартиру и улетел в Москву, поступил в заочную аспирантуру философского факультета, на кафедру прекрасного человека, глубокого мыслителя, якута Арчжила Ильина и на должность психиатра, зав. острого мужского отделения в ПБ №3, Покровское-Шереметьево, что под Рузой... Ну, а пока я в волшебной стране ОЗ как судебно-медицинский эксперт Николаевска-на-Амуре и пяти, прилегающих к нему районов. И вот, ледяной и ветряный ноябрь 1971 года. Татарский пролив, протоки Амура и мое любимое «море» Орель-Чля еще судоходны. Заканчивается путина. Заканчивается лафа браконьеров. Много работы рыбнадзору, с капитаном и командой одного катера я дружил. И был любовником (не первым и, наверняка, не единственным) его премилой и пре-сексапильной жены...

...Трагедия случилась на озере Орель, совсем не далеко

от реки Подгорная (*подгорная* – sic! Для тех, кто не поверил, что на море Орелья-Чля были цунами и в мое объяснение их – взрывы на золотых приисках, горы которых, вероятно на 90% соединялись единым горным массивом с озерами, который образует их дно, засыпанное песком и природным «гравием»). Катер моего друга-капитана рыб-инспекции, гнался за катером браконьеров и сел на мель. Повторяю: в это время штормило и шел град... Команда, во главе с моим другом Мишей, рискуя жизнью, пытались баграми столкнуть катер, который завяз в песке. Багры – два с половиной метров, деревянные с кованными наконечниками. Катер на мели кидало из стороны в сторону. Только штурман стоял у штурвала, остальные работали баграми. И, как бывает, когда сатана берется погубить праведников, заглох мотор... Кончилось тем, что катер перевернулся и вся команда погибла... Их нашли всех спасатели военно-морской амурской флотилии. Дело возбудила наша прокуратура, следователя был, как всегда в сложных случаях, Олег Савчук. Трупы своих друзей вскрывал я...

...Работал безвыездно из Николаевска-на-Амуре и не покидая морг ровно роковых четверо суток... Перерыва на отдых не было. В тайге, недалеко от поселка Чля застрелили вольного охотника. Савчук, участковый милиционер (рыжий детина Боря – о нем в следующих записках) и я, погрузились на точно такой же катер, какой погиб, рыбнадзора и отправились в Чля. Погода наладилась так резко, что темпе-

ратура поднялась до 20 градусов тепла, ярко светли солнце. Ни ветерка! Дальний Восток – место контрастов. Климат – резко континентальный. В весенние и осенние месяцы морозы сменяются жарой и обратно. Протоки могут покрыться льдом, а через несколько дней прогреваются до 18 градусов... НЕ поверите: на том же самом месте, где погиб корабль со всей командой моего друга, капитана Михаила, наш катер сел на мель! Не на ту же самую, но в ста метрах от нее. И... погода началась портиться. Солнце исчезло, а жара стала сползать под покровом откуда-то появившихся черных туч, груженных тоннами маленьких льдинок, которые вскоре обрушились на наше судно. Савчук скомандовал участковым и мне, чтобы по двое брались за багры и сталкивали корабль с насыпи. Дальше, как по писаному. Стало штормить, пошел дождь со снегом и... заглох мотор! Капитан Егор спустился к механику и принялся в раскачивающемся судне налаживать мотор, из люка было слышно, как он матюгал механика. Боцман, два матроса, Олег, участковый Боря и я работали баграми. Мы с Олегом – одним багром, а гигант Боря один, казалось легко, управлялся с громадным и тяжелым багром. Все молчали. Все были на похоронах своих товарищей (ребята с рыбнадзора были нашими друзьями с работниками прокуратуры и УВД). И... мы столкнули катер! Капитан что-то сказал Савчуку и корабль повернул на 180 градусов к берегу. В поселок Чля мы не пошли. Олег у меня в морге, потягивая спирт и закусывая черной икрой, густо нама-

занной на белый, горячий хлеб (который выпекала ЦРБ, при которой и была судебно-медицинская экспертиза), когда моя мед. Сестра Люся дозвонилась до поселка Чля, взял трубку и распорядился о проведении экспертизы застреленным охотникам глав. врачу Коле. Когда разговор с Колей прекратился, Олег, закрывая ладонью трубку, подмигнув мне единственным глазом (я же говорил, что он – копия Колумбо) и спросил, буду ли я разговаривать с докторшей (то бишь, с Валерией), она вырывает трубку у своего мужа. Ни Валерия, Ни Коля не знали, что я рядом со старшим следователем прокуратуры. Я отрицательно махнул головой, предвкушая встречу с моей бывшей студенткой «черной розой» – неопи-суемой Ольгой Ковригиной. Сейчас бы она победила на всех мировых конкурсах красоты и, если бы захотела, блистала бы на всех «глянцах»... Когда мы, там, в морге, изрядно разо-грелись медицинским спиртом, начали «базар», Олег, икая, спросил, а кто бы нас вскрывал, если бы потопли с тобой вместе? *«Как кто? – Невозмутимо ответил я — Коля, а ас-систировала бы ему его жена Валерия...»* Больше вопросов не было.

Чумикан

Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi¹

Но, к этим запискам, вернее, будет так:

Quod licet bovi, non licet Jovi²

Преамбула:

Император Клавдий II издал приказ: "Молодые люди, годные для воинской службы, не имели права жениться (между собой!), так как это неблагоприятно отражалось на общем боевом духе армии". Священник по имени Валентин пошел наперекор императору и продолжал свадебные церемонии для влюбленных (воинов-гомосексуалистов), за что и был приговорен к казни и уже посмертно был признан католиками как святой. День «святого» Валентина активно начали отмечать американские гомосексуалисты в 70-х годах, и именно в этот день они заключили первые официальные однополые браки. Так что не наш это праздник!!! НЕ НАШ))

¹ Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. (лат.)

² Что дозволено быку, не дозволено Юпитеру. (лат.)

(Взято из Сети)

Справка из Википедии (далеко не полная и несущественная)

«Чумикан – село, административный центр Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края, порт на Удской губе Охотского моря. Основано в 1880 году... Село расположено у устья реки Уда, в 480 км к северо-западу от железнодорожной станции Комсомольск-на-Амуре, в 1547 км от краевого центра, в 526 км от железнодорожной станции Постышево, в 721 км морем от г. Николаевска-на-Амуре».

...Из недостоверных источников: Иосифа Александровича Бродского в 1972 году собирались этапировать в Чумикан, как тунеядца. Но... судьба развернула самолет, и будущий нобелевский лауреат прилетел в Вену...

...Так вот из сведений личных, очевидца, не раз бывшего в 70-х в Чумикане. Это поселение, закрытое от свободного мира с трех сторон тайгой с болотами, а с четвертой – Тихим Океаном, было местом ссылки: 1) отбывших срок наказание по тяжелым статьям на постоянное поселение; 2) приговоренных районным судом на высылку на определенные годы – а) алкоголиков (после лечения), б) проституток (без лечения), в) гомосексуалистов-рецидивистов, исключительно мужчин, отбывших срок по статье 121 УК РСФСР и союзных республик и «не исправившихся», г) тунеядцев и бродяг, отбывших срок по статье 209 УК РСФСР или прямо этапиро-

ванных в Чумикан. В начале восьмидесятых, когда я бывал в Чумикане исключительно, как судебно-медицинский эксперт, и прокурор и участковый милиционер были из осужденных по статье 121. Здесь они отбывали свои сроки, работая по специальности. Первый раз я был в этом, удивительно по природным качествам, прекрасном уголке за убийство тунеядца проституткой, которую он собирался изнасиловать. Ни чего особенного в деле не было. Ну, а вот этот случай, о котором сейчас напишу – из ряда подобных вон выходящий. Подчеркну, что все поселенцы регулярно проходили уголовно-медицинские (я потом написал пенитенциарную медицину, имея в виду и чумиканцев) освидетельствования. И вот, при осмотре одного педераста врач (из алкоголиков-рецидивистов) обнаружил у него свежие «следы» анального секса. Но, такое часто встречалось в Чумикане и особо за это там не наказывали. Но, в данном случае, гомосексуалист, находясь в здравом уме и ясной памяти, заявил, что... его изнасиловал медведь! Да, не образно «изнасиловал медведь», а, в натуре медведь. Врач взял анализ из прямой кишки и переслал в прокуратуру Николаевска-на-Амуре, Олег (ему все изюминки такого рода попадали), естественно отправил вместе копией акта возбуждения уголовного дела по статье 121 УК РСФСР, направил ко мне в морг постановление о судебно-медицинской экспертизе и пробирку со спермой медведя. И, действительно, в прямой кишке педераста была не сперма человека, но, несомненно сперма

какого-то животного. Я должен был лететь в Чумикан, чтобы освидетельствовать «потерпевшего». В обязанности судебно-медицинского эксперта входит не только «вскрытие трупов по Шору», но и освидетельствования живых людей, со следами насилия или даже без таковых, и прежде всего – сексуального насилия. Так, если за четыре года (вместе со специализацией в Биробиджане и районах ЕАО) я вскрыл чуть больше трех тысяч трупов, то за это же время освидетельствовал около десяти тысяч живых людей). Сперму неизвестного животного (мы исключили собак сами) я отправил на экспертизу в краевой Центр судебной медицины в Хабаровск, а они, не разобравшись со спермой, как и мы, в Республиканский Центр, в Москву. Оттуда ответ не пришел... НЕ удивительно, если, даже сейчас, в 2018 году можно прочитать такое, прямо по моей теме (из Сети):

«Пермские ученые опровергли кировчан: медведь сдал сперму успешно

«Ученым успешно удалось взять сперму у самца бурого медведя из пермского зоопарка. Об этом 59.ru рассказала зоолог хищных животных Екатерина Мельникова. Неудача постигла московских специалистов при попытке извлечь оплодотворенные яйцеклетки у медведицы».

«Все нормально у них получилось», – прокомментировала г-жа Мельникова эксперимент специалистов Московского зоопарка, добавив, что сперму медведя брали около года

назад. По ее словам, в ходе последнего визита в Пермь зоологи работали с двумя покрытыми самками бурого медведя. «Они хотели извлечь у медведиц яйцеклетки, чтобы пересадить их другим самкам. Конечная цель ученых – добиться того, чтобы бурые медведицы вынашивали белых медвежат».

Как объяснила собеседница, взять оплодотворенную яйцеклетку не удалось, поскольку эта технология на медведях пока не отработана.

Напомним, российские ученые проводят эксперимент по выведению потомства у медведей путем искусственного осеменения. Его цель – разработать технологию, которая позволит восстанавливать популяцию белых медведей, чья численность резко сокращается. На минувшей неделе завотделом экологии животных НИИ охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове Александр Савельев заявил, что работы над экспериментом остановлены, поскольку ученым не удалось взять сперму у медведей пермского зоопарка».

(Дамир Нурмухаметов

Оригинал материала: <http://59.ru/text/gorod/821342.html>)

И вот я в Чумикане. К моему приезду медведя-мужеложца отследили и застрелили. Так, что мне предстояло и вскрытие его «труп» для взятия на анализ спермы. Забегая вперед, скажу, что посланная с реальной спермой пробирка

в Хабаровск, а, оттуда в Москву – пользы также не принесла: заключение ни я, ни Хабаровск, из Москвы не получили.

...Вот, что рассказал потерпевший. Работал он в сарае, который, после того, как я первый раз вскрыл труп в Чумикане (что делали с трупами до меня в Чумикане, врать не буду, не знаю), мне выделили для морга сарай, подальше от чумиканской больницы, где морга вообще не было. Сарай не известно для чего, когда-то использовался и очень давно. Ему было лет пятьдесят, не меньше. Огромная комната, единственная после небольшой прихожей. Сарай был из бревен, изрядно высохших, мох, что был между бревен, осыпался. Кстати, таких, почти однотипных сараев, в районах, прилегающих к Николаевску-на-Амуре в тайге и рыбацких поселках я видел много. Один даже был напротив Николаевска-на-Амуре, на правой стороне Татарского пролива (в нем произошел самый, пожалуй, драматический случай из моей практики судебно-медицинского эксперта – читай ниже).

...Так вот, вернемся в Чумикан. Потерпевший оборудовал сарай под постоянный морг по моему распоряжению. Вокруг сарая – густой стеной стояла малина, кусты адели, и клонились к земле под тяжестью ягод. Был июль, макушка лета. Вокруг поселка было много ягодных «плантаций». Кроме малины – смородина, красная, черная и белая, дикий крыжовник, трех цветов морошка, брусника, клюквы, шыкша («зассыха»), облепиха, киш-миш и много его какой съедобной ягоды, плюс орешник, кедры с орехами, много

грибов, куропаток можно ловить было голыми руками, ну, а о рыбе – длинный разговор, скажу лишь о форели, «царской рыбе», которая ловилась в протоках и озерах «голыми руками», а лосось, идя на нерест, выбрасывался сотнями на берег... И все это было позволено в свободное время без всяких надзирателей, собирать и добывать поселенцам. Ну, а служивые (прокурор, милиционер, охотники) имели ружья, охота разрешалась – зайцы, дикие свиньи, козы, олени – их мясо в общий котел. Не жизнь, а благодать. Вот только свободы нет. Никто не охраняет, а убежать – куда? Поселок в тайге, которая начинается непроходимыми болотами. А, Океан впритык к вертикальной трехсот метровой скале, с пиком «Дунькин пуп» – прозвище 19-го века. Легенды говорят, что Дунька была реальная первая, сосланная в Чумикан, знаменитая проститутка Петербурга... Что-то меня все в сторону заносит. Еще, ведь, нужно рассказать. Как я ночью, в потемках, поднимался со стороны тайги на Дунькин пуп... Мужика, объевшегося малиной, прохватил среди белого дня понос. Он, не долго думая, пошел за сарай, в ту же самую малину, опорожняться. Опорожнясь, только начал надевать трусы, как чьи-то крепкие руки легли ему на плечи и через мгновение... через мгновение он почувствовал через мимолетную резкую боль, неопишемое, хорошо ему известное блаженство – «бабочки в прямой кишке до пупа» (вот, читатель, пуп дважды и рядом повторяется, не случайно это!) «Ты что, родной, – начал, преодолевая наслаждение, шеп-

тать мужик, которого кто-то имел и круто, а вдруг увидят?» Но, «мужик останавливаться не собирался и скоро взревел не человеческим голосом! Тяжелые «руки», упали с плеч «петушка»! Мужик, повернул голову, что бы увидеть «родного» и лишился сознания...

...Придя в себя, он, в три погибели рванул... прямо к участковому и рассказал, что «не виновен», медведь «силой взял». Участковый выслушал, и не моргнув ни одним глазом, тут же послал помощника за доктором. Врач осмотрел мужика и взял анализ. Потом сообщил прокурору. А тот позвонил в прокуратуру Николаевска-на-Амуре. Так я оказался второй раз в Чумикане. Был еще и третий, но о нем ниже, если надумаю...

...А, сейчас скептикам, не поверившим этим моим запискам о Чумикане, короткая медико-биологическая справка. Как-то от одного московского интеллигента я услышал припев песенки: «*Один раз не педераст...*» Кажется в этой песенке есть и такие слова: «*Лучше нет влагалища, чем очко товарища... ух ты, ах ты, все мы «космонавты»*». Смеем опровергнуть слова первого куплета: достаточно мужчине пассивно совершить хотя бы один половой акт в прямую кишку, как это – на всю жизнь не только видимые для профессионала следы, но и «следы» для биохимика. Невооруженным глазом медицинские эксперты (и проктологи) увидят, хоть через пятьдесят лет, сразу и на всегда после полового сношения в прямую, появляющуюся «воронку», харак-

терное «вдавление» вокруг ануса. Даже махровый геморрой эту «воронку» не скрывает. Кстати, именно по этому «знаку судьбы», в советские времена гонимые педерасты искали друг друга в местах общего пользования: туалетах, банях. В Москве, доподлинно знаю, что «местом встречи, которое изменить для педераста, нельзя» был туалет в Политехническом музее, уличный туалет. И знаменитые Сандуны...

...Но, не только так реагирует прямая кишка на первое и даже единственное половое влечение (вибраторами и прочими «членами» мастурбаторы никогда не приобретут такой «воронки»). Серьезнее то, что все мужские, рядом находящиеся гормональные железки реагирую и на всегда на единственное «внедрение» в прямую кишку живого мужского (в отношении медвежьего – точно не знаю, экспертиза у меня была, описываемая здесь, единственной) – изменением *качества* выделяемых гормонов: простата и пара уретральные железы. Прямая кишка педераста начинает выделять гормоны, способствующие обильной слизи с характерным запахом, который, кстати, улавливают только «братья по сношению». Медведь в запахе кала педераста учуял специфический запах, вероятно сам был «педераст» (по мнению моего умного друга, академика Игоря Семеновича Кона, нет ни одного вида животных и даже птиц, которые не занимались бы педерастией), мгновенно возбуждился и «трахнул». И еще. Когда пишут о зоофилии, то подразумевают, что зоофил – это человек (как мужчина, так и женщина). Но, содомией

занимаются и животные, что знали древние греки, отобразив эти широкие знания в мифах. В народных сказках и былинах всех народов, есть сообщения о активной зоофилии, инициаторами и насильниками которой являлись животные. Много таких сказаний в австралийском эпосе. Прежде всего о радужном змее, который пользовал мужчин-аборигенов³. В одном из фильмов-боевиков с великолепным Жан-Полем Бельмондо есть сцена с догом, который неправильно «понял» крутого героя и собрался его «трахнуть»...

...Ну, да ладно науко-подобия. Пора закругляться.

...Шкуру медведя-педераста я увез с собой в Москву и повесил в вестибюле. Скоро ее начала жрать моль. Я увез ее на дачу в Завидово, повесил на наружную стену дома, который подарил мне Леонид Ильич (о моей дружбе с генсеком КПСС я расскажу во второй книге ОЗ). С годами шкура вылезла и я ее перевесил на стену, остаток сарая и часть забора от соседей. Потом, совсем недавно, в 2017 году, сжег

³ Читай: В.Е.Рожнов. «Чуринг».

P.S. Хочу еще рассказать о незабываемом на всю жизнь моем ночном путешествии на «Дунькин пуп» (подробно о «Дунькином пупе» с небольшим фантазированием, читай в моем романе «Сага о Белом Свете»).

...Было это во время экспертизы «опушенного» медведем мужеложца. То есть, когда лето было, в своей, повторяюсь, макушке. В полнотравье. В дурманящую запахами тайги и Океана, звездную ночь при ясной луне. Я не пошел тропой, протоптанной поселенцами. На «Дунькин пуп» хаживали часто из чисто эстетических и философских побуждений. Никакой эротики, несмотря на название цели посещения – забраться ночью в одиночестве на «Дунькин пуп». Режим смотрел на это сквозь пальцы. Только с благими намерениями ползут туда и гомосексуалисты, и тунеядцы и бывшие прости-

тутки, и хронические алкоголики... Все они, идущие туда, карабкающиеся по заросшей со страшными шипами аралии маньчжурской, которая испокон веков растет и в районах, приравненных к крайнему Северу. И вот, пробираюсь я через кустарник, ориентируясь по звездам. «Дунькин пуп» как раз под «Большой медведицей» (sic!). Совсем не обращаю внимания на глубокие и множественные царапины и уколы иглами аралии. Я не чувствую ни боли, ни какого-либо физического дискомфорта, потому, что нахожусь в состоянии блаженства от запахов тайги и Океана!...

...И вот я, где-то к 2 часам утра (и ли ночи), какая разница, на месте. Это совершенно гладкая, словно отшлифованная каменная поверхность, диаметром метров сто, почти круглая, только со стороны Океана словно изъедена каким-то гигантским зверем. Я встаю в центр и поднимаю глаза на небо. Голова кружится и от опьянения воздухом, и от картины, которая открывается мне! Звезды так близко, что хочется пройти по Млечному пути. Мысли приходя, вернее, впрыгивают в сознание скачками. Состояние настоящей фуги идей. Да еще каких возвышенных! О жизни и смерти без страхов и упреков, только с глубинной радостью, что я ЖИВУ! О Вечности и Бесконечности звездного неба. О любви, которую уже пережил и которую еще переживать (ликуя!) буду! О родных с щемящей в сердце прозрачной тоске, что они не рядом и не видят этой первозданной и неиссякаемой красоты и чистоты... В какое-то мгновение начи-

наю чувствовать, что реальность куда-то уплывает от меня, словно я растворяюсь, как ребенок в своих снах безмятежных и прекрасных, как я растворялся в объятиях самых красивых и ласковых женщин. Что-то в душе срабатывает. Я говорю себе «стоп», впереди еще панорама Океана! Начинаю смотреть в его сторону и медленно подхожу к обрыву. Сажусь на камень: Океан передо мной. Волны без всякой угрозы и тревоги бьются о берег морской. Они сейчас не холодные, как в песне и нет криков мятущихся чаек... Дышу полной грудью, глаза в бесконечности океанской дали. Я счастлив! И – чудо. Словно откуда-то незаметно и сразу появляется освещенный огнями корабль. НЕ японский лесовоз, наш грузопассажирский, идущий во Владивосток – здесь фарватер. Корабль далеко. Но я слышу музыку, чудную, прекрасную музыку на этом маленьком с красивой жизнью корабле, залитом огнями. Может музыка не на корабле, а у меня в голове? Да, какая разница...

...Не помню, как вернулся в больницу, где в ординаторской меня поселили. Стол накрыт. Горячая вареная кета. Тарелка красной икры. К холодной закуске – замороженный огромный кусок белуги для строганины и бутылка Suntory Nakushu – хорошего японского виски... Что еще надо? И это дорогому другу «отверженных» не возбраняется – горячее, влажное. Огромное полотенце в душевую вносит Кира, юная медицинская сестра из коренных жителей, нанайка, очень похожая на красивую японочку – те же самые будоражащие

почти замолкнувшую на Дунькином пупе, плоть, быстрые пальчики: я принял релаксирующий душ, Кира, промокая меня горячим и влажным мягким полотенцем, коснулась моего пупа... Потом приняла в рот сперму, которую я извергнул сразу, как только она взяла мой каменный, пульсирующий член в рот.

...Я ел и пил в ее компании. Потом мы легли вместе на широкий докторский, приготовленный для меня, диван. Проснулся я свежий и бодрый. В таком состоянии улетел из Чумикана, минуя Николаевск-на-Амуре, на вертолете геолого-разведки, в Озерпах.

Озерпах

Часть 1. Comment les hommes forts meurent⁴

...Из Википедии: «Озерпах – посёлок сельского типа в Николаевском районе Хабаровского края. Административный центр Озерпахского сельского поселения. Расположен на берегу Амурского лимана, в 59 километрах от районного центра – города Николаевск-на-Амуре».

...В начале восьмидесятых годов, когда я бывал в Озерпахе раз в неделю, точно, там проживало около 500 человек, большая половина которых работало на рыбзаводе. Сейчас, когда и пишу эти записки, в Озерпахе проживает 200 человек, не больше. Уезжая, я увозил с собой литра три красной икры, и пару копченой кеты. Это был неизбежно. Также одаривали Гошу (легендарная личность, часто еще буду вспоминать) – шофера единственной оперативной машины прокуратуры Николаевска-на-Амуре, уазика, покрытого брезентом. На полпути в Озерпах можно было проехать на уазике, только обладая навыками каскадера: дорога, вся состоявшая из морской крупной гальки, в этом месте позволяла проехать

⁴ Как умирают сильные мужчины. (фр.)

только на двух колесах. Два же другие шли под углом 75 градусов по скале. И то, это во время отлива. Гоша мастерски справлялся с преодолением участка в триста метров на двух колесах. Только мне приходилось пересаживаться с переднего сиденья на заднее, и висеть, держась за специально приваренные стальные поручни: я был, в силу «легкого», максимум, полусреднего веса (боксерские категории) неважным противовесом. Но, ничего, справлялись.

В этом небольшом сельском поселении жили в основном, русские и украинцы. Дружно жили, как одна большая семья. Иногда, в застолья, приняв «горилки» и закусывая растегаем с жирными брюшками кеты, мужики шутили, что они – дети «врагов народа»: «власовцы» и «бандеровцы». Доля правды в этой шутке была. Русские и украинцы, мужчины, занимались исключительно лесоповалом и обработкой деревьев для японских лесовозов. На рыбзаводе работали их жены. Коренные жители – нанайцы селились в «стойбище», в 2—3 км. Это были рыбаки, оснащенные суперсовременными японо-советскими баркасами и рыболовецкими орудиями. Нанайцы все были рыбаки, и мужчины, и женщины, и даже, начиная с десятилетнего возраста, дети. В поселке была школа восьмилетка и сельская больница, в которой за три года моего пребывания в Николаевске-на-Амуре сменились шесть глав. врачей и все мои однокурсники по ХГМИ. Двое из них мне были особенно дороги. Это мой самый близкий ДВ-друг, однокурсник наш Геракл, Жорж

Самсонович Коробочка и его бывшая жена (у Жоры было 8 жен и 23 ребенка), предпоследняя, Катя. Женщина выраженной славянской наружности и сексуальности. Мы друг другу нравились, еще когда она была замужем за Жорой, то есть, когда были студентами ХГМИ. Жора (родился в Минске, из рода бело – россов). Но, тогда только обменивались взглядами и «случайными» прикосновениями рук, когда я приходил к ним домой, в кочегарку – Жора подрабатывал кочегаром в большом доме и при кочегарки оборудовал себе весьма даже удобную «квартиру». А когда они развелись и работали в ЦБ, Жора невропатологом, Катя – терапевтом, нас случай ни разу не свел в месте с Катей. Может пот ому, что в каждый свободный от работы и командировок час, мы были с Жорой. И, вот, наконец, я приехал в Озерпах (это другой случай, опишу, возможно ниже), где глав. врачом была Катя. После вскрытия трупа своего недавнего друга-самоубийцы (читай ниже) Катя взяла меня под руку и повела к себе, в горницу, а, потом, в спальню. Вернувшись домой, я сразу пошел к Жоре. Он спросил меня: «*Переспали, наконец?*» «*Переспали...*» – ответил я. Жора налил полный граненый стакан спирта и медленными глотками выпил. Закусывать не стал. Только, ненадолго отвернулся от меня, уставившись в пол, на концы своих ботинок, которые он не снимал ни зимой, ни летом (Жора 75% от зарплаты – а работал он на двух ставках – платил алименты). Я понял, что ему больно...

...Ну вот теперь перехожу к запискам, ради которых начал писать об Озерпахе... Я летел в Озерпах на военном вертолете из Чумикана, минуя Николаевск-на-Амуре. Пилот был мне не знаком. Олег дозвонился до меня и сказал: *«От тебя, брат, зависит, полетят ли в Озерпах еще военные вертолеты... Ты постарайся уж предотвратить ЧП... Остальное – сам разберешься на месте. Надо спасти ситуацию мирным путем и твою однокурсницу... Она – причина напряги в Озерпах. Действуй по ситуации. Почувствуешь, что не справишься, пограницы поставили там рацию. Подашь „SOS“ они через пять минут покроют небо над селом красными парашютами (оперативный десант пограничников). Пока...»* Пилот позвал меня в кабину – я сидел на краю открытого люка и смотрел на Океан свысока, и со словами: *«Прокурор передает...»* – протянул мне «Макаров» с полной обоймой, я это понял, как взял его. На лице моем – ни одной мысли не чувствовалось, я был в легком ступоре от слов Олега, подкрепленных «Макаровым». Пистолет мне передал не прокурор Трусевский (легендарный сыскарь-интеллектуал, ДВ – Шерлок Холмс, застрелившийся в 1990, мой скрытый покровитель и друг, объяснюсь ниже), а его заместитель, «дедушка» прокуратуры Картуш (такая, вот фамилия!). У Павла Петровича Картуша была полуофициальная коллекция многих видов пистолетов, наганов, браунингов, револьверов. Был даже, на зависть многим, револьвер времен гражданской войны в США в огромной деревянной

(из африканского красного дерева) кобуре. Павел Петрович все обещал мне подарить часть своей коллекции для «музея оружия» судебно-медицинской экспертизы: *«Вот надумаю идти на пенсию, подарю... Все равно жена в дом со всем этим добром не пустит!»* Да так и не сдержал своего слова. умер в своем прокурорском кабинете... Правда, идя о «музее» была хорошая и я стал собирать свою коллекцию (подробнее ниже). Я сунул «Макаров» за пояс, ремешком прикрепил к пуговке брюк и вернулся к люку. *«И что могло такое произойти в Озернахе, что власти явно хотят скрыть т Хабаровска? Народ там миролюбивый, дружелюбный. Сколько раз я это чувствовал на богатом застолье!»* – Интуиция мне ничего не подсказывала. Нужной информации я не имел. Знал только, что там главврачом работала кореянка, моя однокурсница, которую все, кроме коренных жителей, принимали за нанайку. В институте она ничем не выделялась. С мужчиной ее никто не видел, да и подруг у нее не было. Она обладала стройной фигурой, гибкая, как тростинка, но с хорошей попкой и титьками, если приглядеться. Да и носик у нее был не кнопка, как у нанайцев, правда, кожа слегка с желтоватым отливом. За шесть лет обучения в ХГМИ, в том числе во время «трудовых семестров» у меня не было случая сказать ей хотя бы «Привет!» Мы считали ее шизоидом-упорной девственницей. У нас на курсе были и гомосексуалисты – мужчины и две девочки. И они свою сексуальную ориентированность не скрывали. Спустя

много лет встретил одного гомосека в Хабаровском аэропорту, невзрачного мужичка и узнал, что его за его педерастию КГБ сделало стукачом. Так прямо и сказал. Зато, сразу после окончания института, получил направление на работу... в Токийский Университет профессором онкологии! *«Нормалек!»* – изрек он тогда, закончив неожиданное свое признание... Интересно, что дала ему перестройка и новое мышление?

...Главврача Озерпаха, мою однокурсницу звали Зоя Латышева, несмотря на то, что и папа, и мама у нее были чистокровные корейцы.

...Вертолет не стал приземляться, а завис у больницы и выбросил трап, по которому я спустился. Тли мое воображение играло, толи на самом деле, но в поселке была *тяжелая тишина*. На улице не души. И, самое интригующее, Зоя не вышла меня встречать. Только, когда я подошел к двери и нажал кнопку звонка, она тихо спросила: *«Это ты?»* И, не дождавшись ответа, открыла дверь и, явно испуганным голосом сказала: *«Ты один? Заходи быстрее!»* По пути в кабинет (в больнице тоже была громовая тишина), она сказала: *«Меня сегодня убьют... и тебя, возможно, тоже!»* – *«Кто убьет, – неожиданно раздраженно спросил я, – да тут все мои закадычные друзья!»* – *«Они и убьют!.. Из-за меня: я убила Веньку Перетягина своим лечением. В конце июля, в жару, он умер от... воспаления легких!»* – *«Этот гигант, который в лютый мороз каждое утро в проруби ку-*

пался... А, как его дубликат, Егорша? Жив?» Перетягины были русские красавцы, гиганты, силачи, кулаком кобылу завалят, о лбы можно поросенка убивать... И жены были им под стать, как жена Федора Сухова из «Белое солнце в пустыне». – «Его привезли ко мне из леча, почти без чувств, температура 40, бредил. В легких – дыхание ослабленное, поверхностное, обилие влажных и сухих хрипов. Я сделал пенициллин внутримышечно и поставила капельницу с коргликоном. Через полчаса он посинел и умер, словно задохнулся! Рядом стояли Егор и Нюша с Олесей. Нюша, жена Вениамина, упала в обморок. Его схватил ее на руки и не подпустил меня к ней. Они пошли из палаты. Егор процедил сквозь зубы, чтобы я готовила гроб себе... Скоро появился участковый – он сидит у заднего входа в больницу со взведенным пистолетом в руках. Я дозвонилась до прокуратуры и все рассказала прокурору... Они знают, что мы – однокурсники! Если не признаешь меня виновной в смерти Вениамина, тебя тоже убьют... Я не знаю, от чего Вениамин умер... Но, думаю, что у него была крупозная пневмония ...»

...Труп находился в морге, который был таким же сараем, как в Чумикане. У входа в сарай, вероятно, собрались все жители села. Мы с Зоей проходили, как сквозь строй, вооруженных ружьями мужчин и вилами, и топорами женщин. Участкового, который пошел с нами, тут же оттеснили и заблокировали. Толпа молчала. Со мной, мои бывшие «друзья», с которыми столько горилки и моего спирта вы-

пито, ни один не поздоровался. Лица напряженные и угрожающие. Незнакомые мне лица! Мы шли, толпа расступалась, пропуская нас в узком коридоре. У входа в сарай-морг я услышал, как кто-то прошептал: *«Вишь, договорились уже... Идет спасать ее, чуточку!»* В селе Зою все принимали за намайку. При входе в сарай, насквозь через щели в стенах пробивались лучи солнца, яркого, несмотря на то, что оно уже было в закате. Я мельком взглянул на Зою. Она шла смело, с достоинством. Страх на лице и в ее хрупкой, точеной фигурке я не увидел. Я понял, что она приготовилась умирать, и умрет с достоинством...

...В кабинете Зое, я не столько изучал историю болезни умершего – а его крайне жаль! – 25-ти летний красавец и 20-ти летняя жена, на 6-ом месяце беременности – сколько искал выход из ситуации, которую нужно спасти. Если Зоя виновата, конечно, защищать ее ложным заключением перед законом, я не буду. Но и не дам на растерзание обезумевшей толпе. Для того, чтобы мысли работали в правильном направлении, я вынул «Макаров» из-за пояса, при этом Зоя, явно неодобрительно, посмотрела на меня: не поняла! Но, когда я, подойдя к ней, открыл ящик стола и сунув пистолет в него, задвинул, с лица сошло внезапное новое напряжение. Именно в этот момент, глядя в миндалевидные прекрасные (!), умные глаза, у меня созрел план, как нам спасти ситуацию и спастись! Я был уверен, что он сработает, ибо хорошо знал каждого из этой, потерявшей от горя рассу-

док, толпы! «Зоя, дай мне клеенчатый фактур, нарукавники санитаря, огромные резиновые перчатки санитаря и хирургическую маску, – быстро!» – она, еще с немым вопросом, появившимся на лице, сразу распорядилась, чтобы все, требуемое мной, тут же принесли. Я знал, что нужно действовать решительно и быстро: толпа рассусоливать нам с Зоей, не даст, разнесет на щепки и больницу! Медсестра быстро все принесла, мной затребованное. Я, продолжая смотреть запись в истории болезни – посмертный эпикриз Зоя еще не написала, ждала моей помощи – положил нарукавники, перчатки и маску в фартук и скрутил его крепко, чтобы меньше занимал места. Потом открыл свой фирменный саквояж и втиснул сверток между внутренним, металлическим «кипятильником», в котором лежал инструмент, и литровой бутылкой спирта. Мужики, которые держали сейчас больницу на мушке, хорошо знали мой саквояж и то, что там часто грело их грубую и правильную мужскую душу – спирт! Они интуитивно бы почувствовали, по тому, как я буду нести саквояж, и о моем состоянии и о том, что там – все и как всегда на месте. Кстати, то, что я взял у Зои, мне полагалось по праву. Но я уже изловчился вскрывать труп без единой капли крови и никогда не пользовался не то, что нарукавниками, маской и фартуком, но и маской. Единственное, что я всегда надевал – это, как у хирурга, халат по горло и завязками на спине.

...Мы с Зоей надели хирургические и в них, прошли

сквозь строй вооруженной толпы. Саквояж я нес в правой руке, слегка демонстративно и видел, украдкой читая по глазам бывших друзей, что он, мой саквояж, вызывает в них противоречивые чувства! С одной стороны – инстинктивное уважение ко мне, с такой крутой врачебной профессией. И тут же – никогда не исчезающие приятные воспоминания о моей, тоже фирменной (ниже объясню) бутылке спирта! И настолько это было действенным, что, когда я, как бы нечаянно, говоря – «Пропустите, пропустите!», отгораживая собой от толпы Зою, легонько ударял, саквояжем оказавшегося на моем пути – мужика с ружьем, женщину с топор или вилами, то они отпрыгивали, пропуская мой саквояж, а за ним Зою и меня...

...Мы вошли в сарай, через щели которого в стенах и двери пробивали не только лучи заходящего солнца, но «лучи» взбешенных, испуганных и тревожных сотни глаз: толпа облепила сарай со всех сторон. У двери стояли Егор, его жена и вдова Вениамина.

...Подойдя к обыкновенному деревянному, из свежеструганных досок столу, на котором лежал, накрытый белой простыней труп Вениамина, я сначала аккуратно поставил саквояж с головой покойного, потом открыл его, саквояж, вынул свернутый фартук (нарукавники и фартук были бледно зеленого цвета, из плотной клеенки) сначала надел фартук, потом громко, чтобы было слышно, что мы говорим, попросил Зою помочь мне надеть нарукавники, а за ними –

огромные перчатки! (Мои друзья-убийцы никогда не видели, слава Богу, как вскрывают эксперты трупы). Поднял руки и замер, как хирург, прежде, чем сказать операционной сестре: «Скальпель, промокать!» Зоя, я прочитал по ее лицу, начинал проникать в ми идею, зачем подобный камуфляж? Она твердыми и нежными руками надела на меня хирургическую маску и завязала, не спеша лямки на моем затылке. Только после этого я сдернул простынь с трупа. Он был раздет. Кожа серая, сухая. Глаза провалившиеся, синие круги вокруг глаз и почти черные полосы выделяют носогубный треугольник. Волосы (когда роскошная черная шевелюра, на зависть мужиков и радость женщин) колтуном. Задержавшись несколько при осмотре трупа, перевернул его на живот и также осмотрел. Потом – опять перевернул на спину. Мне нужен был подголовник. Я не хотел прежде временно выходить к толпе. Поэтому оглядел сарай и увидел несколько толстых чурок. Подошел к ним, выбрал одну, взял и понес к столу. На чурку я положил голову покойного. Потом выпрямился и несколько секунд постоял, словно задумался. Кожей спины чувствовал, что каждое мое движение, каждый мой жест фиксируется двумя сотнями глаз, прильнувших к щелям и «оценивается». Зоя стояла и смотрела на меня. В глазах ее уже было понимание ситуации, но еще не полное понимание, что я буду делать в ней? А я твердо знал, что пока мы в сарае, пока я работаю с трупом, нас никто не тронет. Больше того, когда я закончу работу, меня заста-

вят общаться с толпой через закрытую дверь: в сарай никто не осмелится войти к вскрытому трупу!

...Я начал свою работу со вскрытия черепа. Толпа громко и дружно охнула и отпрянула от щелей сарая. Когда я вскрывал труп, я, пардон, макал туда не только перчатки, но и нарукавники и вытирал окровавленные огромные перчатки о халат. Даже на маску я умудрился посадить несколько крупных пятен крови... Потом Зоя призналась, что вид у меня был такой ужасно-ужасный, что и ей стал не по себе! Но, спектакль спектаклем, я честно делал свое дело и был бесконечно рад за Зою, что она и диагноз поставила правильный, и лечение назначила верное! Правое легкое было «окаменевшим» и серым. Резко отличалось от левого легкого и цвета всех органов. Да, это тотальная, правосторонняя крупозная пневмония третьей стадии. Его двое с лишним суток, держали с температурой 40 и в лихорадке в жаркой и душной тайге, вместо того, чтобы сразу везти в больницу. Понять их можно: как такой здоровый парень, купающийся в проруби и во льдах мог «простыть» в жару?! На вторые сутки он начал, как потом мне рассказали, «забываться». Пневмония развивалась стремительно. Чудом, что они довели Вениамина живым в больницу. Он должен был бы умереть по дороге... Зоя ничего сделать не смогла бы. Да и наши, современные, двадцать первого века реанимационные, оснащенные по тем временам, чудо техникой, в таком состоянии человека бы не спасли...

...НЕ зашивая труп, с пустой черепной коробкой – мозг лежал рядом – я резко повернулся к двери, не сказав Зое не слова, чтобы она не сделала бы каких-нибудь лишних телодвижений. К две, эти два метра от стола с трупом, я шел «тяжело» ступая и медленно, как в замедленной киносъемке. Нет, я ничего не боялся. Я уже знал, что я – чемпион в этом моральном сражении с толпой, я знал, какая будет реакция, когда я предстану, весь в крови и в таком вот наряде, перед толпой в лучках закатывающегося в верхушки могучих елей, чьи «лапы, как пел Высоцкий, дрожат на весу... Я шел и слышал, и кожей чувствовал, какие кардиальные перемены происходят с толпой. Когда я вышел к ним, ужас был в их глазах, толпа была в движении броуновском – люди прятались за спины друг друга. Я сразу заметил, что руки их были пусты. Только какая-то женщина, окаменев от страха от моего вида, крепко сжимала вилы, потому что не могла разжать пальцы!

...Я подошел вплотную к Егору. Его женщины уже были у него за спиной и выглядывали через его плечи широко открытыми глазами. Егор пытался, да, пытался, сохранить «хладнокровие». От его злобы и агрессии не осталось и следа. *«Егор, – сказал я спокойно, – пойдём со мной... ты должен видеть все, что с твоим братом... Если кто еще хочет – пошли с нами...»* Егор сжал пальцы, но это были не кулаки. Это были пальцы, прятавшиеся свое дрожание. Он взглянул мне в глаза: его глаза были чистые и испуган-

ные. *«Пойдем, не бойся, это же твой брат!»* Егор, заикаясь, сказал: *«Я – что. Я пойду. Надо, так надо!»* Я увидел, как участковый Вася пробирается к нам. Я громко сказал: *«Василий! Быстро в больницу и принеси мне таз с водой!»* Вася на ходу по-солдатски развернулся и побежал в больницу. Пока мы с Егором дошли до стола с окровавленным также изрядно трупом, Вася был рядом с тазиком, наполненным чистой водой. Я глазами показал ему, чтобы он тазик поставил рядом с трупом. Я попросил Зою, чтобы она сняла свою маску и надела ее на Егора. Что она быстро и аккуратно сделала. *«Егор, подойди вплотную к столу. И внимательно слушай меня, смотри, что я тебе покажу и запоминай. Чтобы потом – никаких пересудов и фантазий! Понял! Если понял, кивни два раза головой».* Егор сначала поднял глаза на меня, что-то хотел спросить, глаза были испуганные, лоб покрылся каплями пота, он кивнул два раза. Я медленно взял скальпель, пинцет. И показал кончиком пальца на правое, серое легкое, потом я на левое и спросил Егора, сказав, чтобы отвечал мне кивками головы: *«Ты знаешь, что это за органы?»* Егор кивнул головой. *«Легкие, так?»* – Егор опять кивнул головой. – *«Они должны быть одного цвета, так? Они должны быть с воздухом, так?»* – Егор кивал головой. В глазах его мелькнула искра понимания, что ему показывают. Лоб его порозовел. – *«Я беру кусочек левого, ЗДОРОВОГО, легкого – я взял кусочек легочной ткани – и бросаю его в тазик с водой, – я сделал это. – Что мы видим? Кусочек пла-*

вает, потому, что в нем воздух. Теперь я беру кусочек серого больного легкого и бросаю в тазик. — Я это сделал, кусочек сразу утонул. — Легкое превратилось в „глину“. В нем нет воздуха. — Я приподнял легкое и сжимая, показал, что оно плотное. — Это крупозная пневмония, от которой умер твой брат! Человек может „простыть“ не только от холодного сквозняка, но и от перегревания на солнце в душиной тайге, где мало кислорода... Можно ли было спасти твоего брата? Да, если бы вы привезли его в больницу, как только поднялась температура и его начало лихорадить, т. е. в первые сутки заболевания... Вы же привезли его, когда легкое умерло и брат умирал. Он мог умереть по дороге, или даже на месте в тайге... Только мощная натура позволило ему дожить до больницы. Никакой врач, никакое лекарство не могло „глину“ превратить в дышащее легкое! Кивай, черт ты такой, головой, кивай, скотина, собравшаяся разорвать, спасающего твоего брата, доктора, и меня, твоего друга, на части...» — Я кричал, срывая маску и стаскивая с себя перчатки. Его, как китайский болванчик испуганно кивал и кивал головой! Он был в трансе! За стенами сарая на улице стали рыдать, причитать, кто-т упал в обморок: толпа внутренне рассыпалась, они вернулись к своему облику... я сделал, что должен был сделать: спас ситуацию! Красные парашюты не покроют небо над Озерпахом! Вася был смышленным парнем и уже все доложил в прокуратуру, а Картуш — по инстанции — 1-ому (секретарю города и николаевского

района). Я замолк, выдержал небольшую паузу, а потом тихим, замогильным голосом сказал, смотря в упор на Егора: *«Ну, что медлишь? Робеешь? Надевай перчатки, бери скальпель и пинцет и сделай все, что проделал я!»* И, резко повернувшись к Егору, который стоял, в полной прострации, опустив руки по швам, вышел к бывшей толпе, теперь, к моим несчастным друзьям: *«Фотографировать кто-нибудь умеет? Несколько мужчин закивали головами. – Бегите быстро за фотоаппаратами, нужно сделать, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ фотографии. Правда, я все органы возьму для лабораторного подтверждения...»* Мужики рванули за фотоаппаратами, быстро принесли их, но ни один не осмелился войти в «морг»! *«Ну, как знаете...»* – сказал я и приказал Васе, участковому, чтобы взял один фотоаппарат и пошел со мной фотографировать... Егор так и стоял, как вкопанный. Я понял, что он скорее ляжет рядом с братом, чем наденет перчатки, возьмет скальпель и пинцет и проделает то, что я проделал, объясняя ему, почему умер Вениамин?..

...Но, будучи в натуре психологом, я решил предотвратить всякий рецидив «очумелости» людей и поэтому, после того, как отдал труп на обработку санитарке, но не сбрасывая с себя окровавленные нарукавники и фартук, вышел к людям, которых осталась небольшая кучка из близких и дальних родственников умершего, чувствуя, что Егор идет за мной, как собачка на поводке. Остановился в нескольких метрах от них и сказал: *«Вениамина нужно похоронить сего-*

дня... Будете хоронить ночью. Крупозная пневмония, от которой он умер, вещь заразная. Я накачал труп формалином (я это сделал), но вы возьмите негашеной извести ведра два, и насыпьте на гроб в могиле. Все тряпки сожгите вместе с телегой. Лошадь не заразная. Одежду Егора еще Зоя Павловна залила дезсредствами. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.